

«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»¹

В. Н. Хлыстун, А. М. Никулин

Виктор Николаевич Хлыстун, д.э.н., профессор Государственного университета по землеустройству, академик РАН. 125064, Москва, ул. Казакова, 15. E-mail: vkhlystun@yandex.ru

Александр Михайлович Никулин, к.э.н., руководитель Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Аннотация. В интервью академика РАН В. Н. Хлыстуна на основе фактов его собственной биографии рассматривается история сельского развития и аграрных реформ России XX–XXI веков. Большое внимание в интервью уделяется характеристикам институтов образования и науки, связанных с селом как в СССР, так и в постсоветской России. Особо подробно описывается история и современность альма-матер академика — Государственного университета по землеустройству.

Одна из главных тем интервью — вопросы реформирования аграрного строя России, которые рассматриваются прежде всего на основе личного богатого управленческого опыта В. Н. Хлыстуна, в 1990-е годы работавшего Председателем Государственного комитета РСФСР по земельной реформе, министром сельского хозяйства РФ, заместителем Председателя Правительства РФ, а также занимавшего ряд руководящих должностей в области управления крупными финансовыми организациями и в аналитических структурах аграрно-промышленного комплекса.

В своих воспоминаниях Хлыстун, кроме описания и анализа успехов и неудач различных законодательных, экономических, политических проектов аграрных преобразований как на федеральном, так и на региональных уровнях, формулирует и некоторые личностные оценки поведения и компетенций ряда представителей государственных, политических и научных элит России.

В интервью неоднократно подчеркивается, что сельская жизнь — это особая сфера существования общества, требующая для своих преобразований комплексных, взвешенных мер, учитывающих разнообразные аграрные особенности такой обширной страны, как Россия. А залог успешных сельских реформ заключается как в широком профессиональном кругозоре ее руководителей, так и в их способности быть выше частных интересов во имя общего блага страны.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, ГУЗ, перестройка, Министерство сельского хозяйства, земельная и аграрная реформы, Правительство РФ

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-171-219

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

А. М. НИКУЛИН: Виктор Николаевич, мы беседуем в Вашем кабинете в Государственном университете по землеустройству. Прежде чем обратиться к обсуждению Вашей биографии и научной деятельности, расскажите, пожалуйста, а что это за заведение.

В. Н. ХЛЫСТУН: По указу Екатерины II в 1756 году было начато Генеральное межевание земель и нужно было готовить людей для проведения столь масштабного мероприятия, ведь необходимо было «разверстать землемерием», как тогда говорили, всю территорию страны. После реформ Петра I земельное хозяйство страны было очень разлажено, поскольку боярские вотчины ликвидированы, множество «служивых и военных людей», которых он привлек на государственную военную службу, наделено поместьями без их должного оформления, так что возникало огромное количество земельных споров, перерастающих в войны на межах и разоряющих государство. И Екатерина, будучи мудрой правительницей, приняла решение о том, что нужно не локально гасить эти конфликты, а провести разверстание, размежевание земель по всей территории. Она полагала, что это можно сделать достаточно быстро, но оказалось, что сил и средств недостаточно, страна громадная, а нужных специалистов крайне мало. Чтобы подготовить нужные кадры, в 1779 году в Москве была создана Землемерная школа, затем преобразованная в Межевое училище, а потом — в Константиновский межевой институт (в честь св. Константина, но и потому, что великий князь Константин был попечителем этого института). Генеральное, а затем специальное межевание продлилось почти 100 лет, затем понадобились специалисты для землемерного сопровождения Реформы 1861 года, позже его выпускники осуществляли столыпинские земельные преобразования, уравнительное распределение земель по декрету «О земле», формирование землепользований колхозов и совхозов и т. д. В начале земельных преобразований 1990-х годов именно выпускники нашего института составили основной костяк команды, обеспечившей проведение современной земельной реформы.

В 1930 году институт был разделен на два: Институт землеустройства и Институт геодезии и картографии, в последующем реорганизованные в самостоятельные университеты, которые и сейчас поддерживают родственные отношения.

А. М. НИКУЛИН: Тогда эти институты в одном здании находились или в разных?

В. Н. ХЛЫСТУН: В начале 1930-х годов по проекту академика Фомина построили здание для Института землеустройства, в котором мы сейчас с Вами беседуем, а Институт геодезии и картографии остался в старом здании в Гороховском переулке. Наши территории составляют один квартал, мы добропорядочные соседи. Периодически возникает вопрос об объединении наших университетов, потому что мы очень близки по профилю.

А. М. НИКУЛИН: То есть происходит некоторое дублирование?

В. Н. ХЛЫСТУН: Я бы не сказал «дублирование», наш институт находится в ведении Минсельхоза, и мы готовим специалистов преимущественно для организаций и структур, которые работают в этой системе. Главные наши заказчики сегодня — это органы управления АПК и Росреестр, так же как и различные предпринимательские структуры. А наш «родственник» — в ведении Минобрнауки и готовит специалистов для широкого спектра несельскохозяйственных структур. У нас есть архитектурный факультет, очень сильный юридический факультет, поскольку земельные дела тесно связаны с правами собственности. Геодезия, кадастры, землеустройство — это наши основные направления. Университет наш многопрофильный, но небольшой по количеству студентов — полторы тысячи очников и около тысячи заочников. По московским меркам, конечно, очень немного, поэтому часто и возникает соблазн к кому-то нас присоединить...

А. М. НИКУЛИН: Ну сейчас у нас ведь все объединяют и присоединяют: муниципалитеты, школы, университеты...

В. Н. ХЛЫСТУН: Полагаю, это было бы абсолютно искусственное объединение, ведь наш университет во многом уникален. Нельзя сказать, что это аграрный вуз и присоединившись, например, к Тимирязевке он там будет уместен. Земля используется везде, поэтому и работаем мы во всех сферах, специалистов готовим соответствующим образом.

Что касается меня, я поступил в этот институт в 1965 году, когда он назывался Московский институт инженеров землеустройства, и ни разу в жизни об этом не пожалел.

А. М. НИКУЛИН: Иными словами, это Ваша альма-матер?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, именно так. А если заглянуть глубже в мою семейную историю, то мой дед по линии матери родом из Черниговской губернии, по линии отца — из Полтавской. Они в молодом возрасте в 1860-е годы, задолго до столыпинской реформы, переехали в Западную Сибирь, сейчас — Северный Казахстан, а тогда — Омское генерал-губернаторство. Создавалась линия из казачьих станиц от Омска до Оренбурга, так называемая «горькая линия». Поскольку казаки несли военную службу и сами себя прокормить не могли, было принято решение создать систему поселений, которые обеспечивали бы казачье войско дополнительным продовольствием. Вот и был брошен клич на переселение из малоземельных губерний.

А. М. НИКУЛИН: Да, казаки — это всегда некий вариант крестьянско-военного освоения территорий. Тут и хлебопашцы, тут и воины.

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, именно вокруг казачьих станиц создавались новые сельские поселения. В 1872-м было заложено село Дмитриевка, в котором я родился. Расположилось оно в Кокчетавском уезде Омского генерал-губернаторства. Там родились мои родители, отец в 1909-м, мать в 1912-м. Очень рано они поженились: маме было 16, отцу — 19. Вся свою жизнь (отец — до 89 лет, мама — до 94)

они прожили в этом селе и ни в какую не хотели эти места покидать, как я их не уговаривал переехать ко мне.

А. М. НИКУЛИН: Это ведь уже территории Казахстана, другого государства?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, к сожалению, это так. В нашей семье было четверо детей: три сестры значительно старше меня, самая младшая из них старше меня на 11 лет. Я родился в марте 1946-го, то есть зачали меня в мае 1945 года, когда отец вернулся с войны, потому меня Виктором и назвали.

Семья была крестьянская. Ни отец, ни мать не окончили ни одного класса, хотя в селе была церковно-приходская школа. Но у отца рано умер его отец, ему пришлось как старшему все время помогать матери, а в семье матери было девять детей и огромное по тем временам крестьянское хозяйство, в котором все дети работали, учиться было некогда. В 1929 году деда раскулачили, а в 1937-м по решению «тройки» расстреляли. Это было так называемое «сибирское раскулачивание», которое было гораздо более болезненное, чем в Центральной России. Почти треть населения Дмитриевки была раскулачена.

Отец и мать в 1929 году начали работать в колхозе, в 1931 году рядом с нашим селом создали Урумкайскую МТС и отец после курсов перешел туда трактористом. Через некоторое время его направили на курсы слесарей по ремонту тракторов и комбайнов, тогда подобные специалисты были очень нужны. И после курсов он всю жизнь проработал в МТС, которая в 1956 году была реорганизована в РТС — ремонтно-техническую станцию, а затем на ее базе был создан Урумкайский совхоз, в котором он проработал слесарем по ремонту автотракторного оборудования до выхода на пенсию. Мать работала в колхозе, пока он существовал, а потом в селе открылась большая аптека, она стала работать там санитаркой до выхода на пенсию. Три моих сестры получили неплохое образование и всю жизнь прожили в Казахстане. Средняя из них — заслуженный учитель Казахской ССР.

Наше хорошее образование во многом связано с тем, что «не было бы счастья, да несчастье помогло» — у нас в небольшом, но очень ухоженном домике на квартире подолгу жили учителя, посланные сначала в 1930-е, а потом в 1950-е годы из Ленинграда. Поэтому мы учились в очень сильной школе, в которой преподавала целая плеяда ленинградских учителей, в том числе и профессора. Первая группа учителей из четырех человек была послана после убийства Кирова в 1936-м. По рассказам родителей, у нас на квартире жил профессор Е. Кон, преподававший в школе математику, другие ссыльные — историю, русский язык и литературу, географию. Мне физику и математику преподавал ссыльный, но оставшийся жить в нашем селе С. А. Пусторжевский. Из числа выпускников нашей школы пять человек стали докторами наук. Это из периферийной сельской школы!

Я поступил в школу в шесть лет, потому что три взрослые сестры рано научили меня читать и писать. Меня сначала долго не хотели принимать, директор Иван Федорович считал, что нельзя раньше семи лет. Всю первую четверть меня выгоняли из класса: я приходил утром, меня выгоняли, я сидел до перемены на крыльце школы, после звонка заходил опять, меня выгоняли снова. Причем это вынуждена была делать мать моей будущей жены, моя первая учительница. Так продолжалось три месяца. Только в декабре маме удалось уговорить директора разрешить мне хотя бы неофициально посещать занятия. После окончания семи классов передо мной встала дилемма — продолжать учиться в школе или поступить в техникум. В какой-то степени я опережал в развитии своих одноклассников, и мне часто становилось на уроках неинтересно. И, несмотря на возражения родителей, я решил поступить в горно-металлургический техникум, который находился в нашем районном центре — г. Щучинске.

К экзаменам я был допущен по ошибке женщины, принимавшей документы. На горные специальности принимали с 15 лет, чтобы выпускники могли работать на шахтах и рудниках, а мне было только 13. И когда я уже сдал экзамены и меня зачислили, вдруг директор техникума узнал, что «ошибочка вышла». И меня сначала отчислили, но я набрался наглости, записался на прием к директору техникума и поразил его своей настойчивостью. Он сказал: «Ладно, давай попробуем, но если что — пеняй на себя».

Учился я легко, прошел на рудниках и в шахтах три производственных практики на разных рабочих должностях и после защиты диплома меня направили в город Рудный Кустанайской области, на крупнейший в стране горнодобывающий комплекс Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат. Это была всесоюзная комсомольская стройка, жили и работали там, как на многих крупных стройках, в основном добровольцы-комсомольцы и расконвоированные заключенные. Я сначала был помощником машиниста бурового станка, потом — помощником машиниста экскаватора. Это высокооплачиваемая работа, я не получал такую, как в 17 лет, зарплату больше никогда. Шагающий экскаватор ЭШ-15/9с: ковш 15 кубических метров, вылет стрелы 90 метров, огромная производительность, машинист — Герой Социалистического Труда, все очень масштабно... Но работать было скучно. Машинист за рычагами 8 часов, а три помощника включают лишь по мере необходимости. Я был помощником по электрической части, моя задача — следить за работой электрооборудования, а оно всегда было исправно, поэтому делать было часто нечего, в гуле машин и пыли читать не получалось, и я не находил себе места от скуки. Как меня ни уговаривали машинист и начальник участка остаться, я перешел на фабрику глубокого обогащения руд, которая тогда строилась, в отдел КИПиА (контрольно-измерительных приборов и автоматики). Это была профессионально очень интересная работа, мы

разрабатывали и монтировали электрические схемы, процесс был абсолютно творческим.

А каждый вечер я со своим другом ходил в ЧОН — часть особого назначения при горкоме комсомола. В городе было очень спокойно и на эту структуру возлагалась задача контроля порядка в домах культуры, клубах и на центральных улицах города. В ЧОНе были прекрасные ребята и девчонки из числа добровольцев, мне с ними было интересно, меня туда тянуло даже в вечера, когда по графику я был свободен. Каждый вечер начинался с пеклички и первыми назывались две фамилии, по которым отзывался дежурный по штабу словами «погиб при исполнении служебных обязанностей».

К сожалению, буквально через два месяца после начала моей работы на фабрике меня пригласили в партком и сказали, что будут рекомендовать меня секретарем комсомольской организации фабрики. Комитет на правах райкома, на фабрике почти тысяча комсомольцев, а мне тогда еще не исполнилось 18 лет. Страшно, но прошло собрание по выборам, и мне пришлось включаться в серьезную и разноплановую деятельность. Одновременно меня назначили комиссаром ЧОНа, потом переименованного в Боевую комсомольскую дружину при горкоме комсомола. Жизнь в городе и на фабрике была ключом, и мне было очень интересно и во многом комфортно.

Я прожил в Рудном почти год, пока не произошло несчастье — погибла девушка, которую я очень любил. Это было в мой день рождения, 19 марта 1964-го. Наш ЧОН ехал по вызову на большую драку, которая была не в городе, а в поселке Соколовка рядом с городом, 4 км буквально. Дорога была очень скользкой, высокая насыпь. Ребята сидели в кузове, а единственная в нашей группе девушка — в кабине. Машина слетела с грейдера, мы все вылетели из кузова, ушиблись, но остались живы. Шофер был только травмирован, а Лена погибла. Мне было настолько тяжело, что я не мог оставаться в этом городе. Уехал в отпуск к родителям, и они меня уговорили переехать домой, в совхоз. Вообще, жизнь могла бы сложиться у меня совсем иначе, потому что Анатолий Ясько — первый секретарь горкома комсомола, мне говорил: «Еще год поработаешь секретарем, и мы направим тебя в Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ». Я должен был двигаться в этом направлении, но ситуация изменилась, и я вернулся в родной совхоз и отработал год слесарем по ремонту электрооборудования, в одном цехе с отцом. Это был, пожалуй, самый спокойный год в моей жизни. Я же рано ушел из семьи, с 13 лет жил в общежитии, а тут вот вернулся в тепло и уют родительского дома, это было прекрасное время.

Конечно же, я собирался поступать в институт, но выбор профиля долго сделать не мог. В июне 1965 года к нам в совхоз приехали землеустроители. Муж старшей сестры работал шофером, ему поручили их возить для проведения полевых работ. Однажды он попросил меня взять отгул, потому что ему нужно было заняться

какими-то домашними делами, и поработать их водителем. Я был с ними целый день, и мне страшно понравилось то, чем они занимаются. Мне понравилось, что они свободные люди, над ними нет никаких начальников, они целый день на природе. Я разглядывал их приборы, попробовал посмотреть в трубу теодолита, на мензурной доске нарисовать горизонталь — и мне все это очень понравилось! Видимо, это было связано с моими крестьянскими корнями и желанием быть ближе к природе. Я спросил: а где учат этой специальности? И они назвали мне наш институт, хотя были выпускниками Омского сельхозинститута, там тоже есть факультет землеустройства. Но они мне рассказали именно про Московский институт инженеров землеустройства, и я решил, что буду поступать только сюда. Через две недели я приехал в Москву, сдал экзамены и стал студентом. Поэтому с 1965 года моя жизнь тесно связана с этим институтом.

На 3-м курсе меня избрали секретарем комитета комсомола института. Вообще, я был единственным в Москве секретарем вузовского комитета — студентом. Обычно это были молодые преподаватели, научные сотрудники или аспиранты. А получилось так потому, что после 2-го курса мы создали первый в стране специализированный студенческий геодезический отряд. В 1960-е было развито мощное движение студенческих отрядов, кроме строительных были отряды, например, проводников поездов, еще какие-то. А у нас был первый геодезический отряд и выполняли мы очень серьезную профессиональную работу. Тогда в Казахстане в Кызыл-Ординской области строилась мощная рисовая система, создавались специализированные совхозы. Для будущего строительства новых поселков в полупустыне нужно было создать планово-картографическую основу на территории их размещения. Нас привезли в пустыню Кызыл-Ординской области недалеко от высыхающего Аральского моря со всеми «прелестями» этой местности — палящей жарой, каракуртами, фалангами, змеями, мошкаркой и прочим. И тем не менее мы в этих условиях выполнили великолепную и очень важную работу. Отряд получил от ЦК комсомола Казахстана переходящее Красное знамя лучшего специализированного отряда, и наша работа получила высокую оценку и Московского горкома комсомола и Бауманского райкома партии. В начале октября 1967 года меня пригласили в партком института и сказали, что есть намерение «рекомендовать Вас секретарем комитета комсомола».

А. М. НИКУЛИН: Из Вашего рассказа следует, что у Вас с ранних лет было умение ладить с людьми. Вы с детства были достаточно коммуникабельный и ответственный человек, по-видимому? Уговорить директора, чтобы в 13 лет приняли учиться в техникум...

В. Н. ХЛЫСТУН: Наверное, так, ведь я еще в школе был председателем совета дружины.

Как бы сегодня ни ругали комсомол, я должен сказать, что наша команда институтского комитета делала немало интерес-

ного и полезного. Например, студенческие отряды «Сами проектируем, сами строим»: студенческие бюро проектировали детские игровые комплексы и в составе специализированных отрядов сами их строили в Москве; проектировали овощные базары и сами строили, а потом наши же студенты в торговых отрядах работали на них. А началась моя секретарская деятельность с того, что в день рождения комсомола (через неделю после избрания) мы провели акцию, которая вызвала переполох в Москве — организовали факельное шествие. Взяли в столовой пустые консервные банки, наделали в столярке палки, нашли ветошь и солярку... Когда появилась эта идея, как-то не задумывались о том, что для большого города такое шествие опасно с разных точек зрения. Решили пройти колонной с факелами от института до сада им. Баумана, километра три по улицам. И пока мы туда дошли, к нам присоединилось огромное количество людей, я своим выступлением открыл митинг. Я еще не закончил выступление, как приехали пожарники, милиция, медики... Меня, что называется, под белы ручки... Что это такое? Кто разрешил? Сразу же повезли к первому секретарю Бауманского райкома. Он страшно орал на меня, а потом спросил: «Что тебе взбрело в голову, зачем ты это придумал?» Я сказал, что хотелось чего-то не рутинного, разбудить спящую массу хотелось. Потом меня в горьком партии повезли, там долго песочили. Но кончилось тем, что только объявили выговор.

А. М. НИКУЛИН: Вы в этот момент были уже членом партии или комсомольцем?

В. Н. ХЛЫСТУН: Комсомольцем. В общем, начало было неординарное. Мы и потом организовывали очень много интересных вещей в институте. Например, каждый месяц в актовом зале выходил «Устный журнал» из четырех «страниц». На первую «страницу» мы приглашали журналиста-международника, в основном из «Комсомольской правды», вернувшегося из горячих точек планеты. Договорились с редакцией, что по приезде — с Кубы, из Алжира и прочее — они приходят к нам. Это были очень живые и интересные контакты. Вторая «страница» посвящалась культуре. У нас побывали практически все великие: Леонид Утесов, Клавдия Шульженко, Владимир Атлантов, многие примы Большого театра... В то время можно было «забесплатно» договориться с кем угодно. Третья «страница» была спортивная. На нее приглашали олимпийских чемпионов, чемпионов мира — у нас были великий боксер Валерий Попенченко, гордость страны, олимпийский чемпион по прыжкам в высоту Валерий Брумель и многие, многие другие. И четвертая «страница» — в посольствах соцстран мы брали мультфильмы, которые тоже вызывали огромный интерес. У нас было 6 ансамблей — в маленьком институте! Наш студенческий театр эстрадных миниатюр славился в Москве. Наконец, Высоцкий под Новый год, с 1968-го по 1971-й, в ночь с 30 на 31 декабря давал

двухчасовые концерты. Первая встреча с ним в декабре 1968-го закончилась тем, что мы оказались с ним на Петровке, 38.

А. М. НИКУЛИН: А что натворили-то?!

В. Н. ХЛЫСТУН: Концерт шел с двух до четырех часов ночи. Вообще, новогодние вечера мы проводили так: в 10 вечера были наши выступления, на стенах развешивали шаржи на преподавателей, которые рисовали талантливые ребята-художники с архитектурного факультета. Не было ни одного преподавателя, на которого не нарисовали бы шарж. Особенно злые шаржи на военную кафедру. Начинали вечер в 22 часа и заканчивали в 6 утра, когда начинало работать метро.

С Высоцким мы договорились о концерте на 2 ночи. Владимир Семенович был великолепен! В ходе концерта порвалась струна, я попросил ребят принести гитару из общежития, оно было рядом, и он допевал с ней, а потом написал на ее деке: «Желаю много хороших песен». У меня эту гитару в военных лагерях после института украли, такая жалость... А на гитаре моего друга Бориса Панкова написал: «Не пишите песен». Эта гитара хранится у Бориса и сейчас. Когда закончился концерт, в артистической комнате к нам подошли два относительно молодых человека «с удостоверениями» и спросили: «Кто организатор концерта?» «Ну я организатор». — «На каких началах организован концерт?» — «На шефских (хотя на самом деле это было не так, мы ему, конечно, платили, но по нынешним меркам это были копейки)». Владимиру и мне предложили проехать с ними, на улице ждал рафик, который привез нас на Петровку. Его завели в комнату, мне сказали ждать в коридоре. Больше часа он там был. У меня забрали удостоверение секретаря комитета комсомола. Со мной никто не говорил, Владимир вышел с моим удостоверением и пропуском на двоих, страшно злой. Было это потому, что незадолго до этого в газете «Труд» вышла статья «О чем поет Высоцкий?», с которой и началось, по сути дела, его преследование. Его постоянно отслеживали. Мы поймали такси, приехали в общежитие, и он начал петь в моей комнате! Естественно, народ коридоры запрудил. И с того вечера, у меня был его телефон, каждый год (это стало новогодней традицией) он к нам приезжал в ночь с 30 на 31 декабря и давал ночной концерт.

А. М. НИКУЛИН: Я так понимаю, все его концерты записывали?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, конечно. В общем, было у нас в институте немало интересного. Старожилы до сих пор вспоминают комитет комсомола того периода.

В 1970 году я заканчивал институт и собирался распределиться в проектный институт по землеустройству в Алма-Ате, я проходил в нем две производственные практики, и руководство пригласило меня в качестве начальника изыскательской партии, что меня вполне устраивало. Кроме того, было намерение через год поступать в заочную аспирантуру, поскольку на 4-м и 5-м курсах наряду с комсомольской я активно занимался научной работой (во все-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

союзном конкурсе НИР студентов, посвященном 100-летию со дня рождения Ленина, моя работа получила 1-е место по направлению «Экономика сельского хозяйства»). К этому времени я был уже женат на моей односельчанке и немаловажным было обещание предоставить мне квартиру в строящемся институтом доме. Однако накануне распределения меня приглашают ректор и секретарь парткома и предлагают остаться в институте в качестве преподавателя. Это было совершенно неожиданно, потому что тогда в Москве получить прописку было практически невозможно. Я не очень понимал, как это можно сделать — я не москвич, жена не москвичка. Более того, она в это время еще училась в Карагандинском политехническом институте. Мне сказали, что вопросы жилья и прописки решат. И я остался в качестве преподавателя, два года еще был секретарем комитета. В общей сложности в этом качестве был пять лет. Это очень долгий срок, но уговорить руководство института и района, чтобы меня наконец освободили и дали возможность завершить работу над диссертацией, было очень трудно.

В октябре 1972 года состоялась моя последняя комсомольская конференция. Обычно они проходили по воскресеньям в актовом зале. В перерыве собирался актив, обсуждали состав комитета и представитель райкома потом оглашал предлагаемые кандидатуры, а уже комитет избирал секретаря. Когда на доске написали фамилии кандидатов и моей фамилии там не оказалось, встает Миша Гуцин и удивленно так: «А Хлыстун?!» Виктор Коробченко — первый секретарь райкома ВЛКСМ говорит: «Мы по просьбе Виктора решили его освободить для завершения диссертации». И вдруг зал встает и начинает топтать ногами и кричать: «Хлыстун! Хлыстун!» Нечасто такое бывает, знаете... Я долго не мог прийти в себя после этого, пока однажды ночью в один присест не написал рассказ под названием «Конференция». Суть его в том, что я смотрю в зал из президиума конференции, вижу лица и вспоминаю, что с ними связано. И после этого мне стало легко. Это было не для печати, для себя, нужно было выплеснуть все эмоции и освободиться от тягостного чувства потери чего-то очень важного, чем жил целых пять лет.

Ну а дальше — в 1974-м защитил кандидатскую диссертацию, сразу после этого стал замдекана факультета, еще через год — деканом самого большого факультета. На самом деле, я был самым молодым деканом в системе высшего образования, стал им в 30 лет, всего через 6 лет после окончания института. Еще через год меня пригласили в райком партии и говорят: «Будем рекомендовать тебя секретарем парткома института». Пришлось согласиться, хотя у меня были другие планы и намерения заняться прежде всего исследовательской деятельностью.

В 1980 году умер проректор по научной работе, и ректор предложил мне занять эту должность, райком и Минсельхоз СССР поддержали это решение. Также оказался самым молодым проректором

в системе, мне было тогда 34 года. 10 лет работал в этом качестве, и это очень интересное для меня время и с точки зрения своего роста, и с точки зрения того, что мы делали в институте.

Это был период, когда руководству Главного управления землепользования и землеустройства на основе научных исследований удалось поднять землеустройство на самый высокий за всю его историю уровень. В это время с нашим участием были разработаны Генеральная схема использования земельных ресурсов СССР, генеральные схемы для всех союзных республик, схемы землеустройства районов, проекты районной планировки и проекты землеустройства большинства сельхозпредприятий страны. Именно тогда родилось множество интересных документов, которые определяли пространственное развитие СССР. В 1980-е годы в институте работали мощнейшие ученые: мой главный учитель — профессор Г. А. Кузнецов — основоположник теории и практики прогнозирования и планирования использования земель; профессора Б. К. Малявский и Б. Н. Родионов — разработчики технологий аэрокосмического мониторинга состояния природных ресурсов и приборов для космических съемок, в частности, всемирно известного аппарата АФА-6; профессор М. И. Коробочкин — разработчик первой автоматизированной системы вертикальной планировки земель для орошения, и многие другие.

Это был период, когда в стране создавалась и позднее успешно функционировала система многослойного зондирования поверхности земли и мониторинга состояния земельных ресурсов. Уже во второй половине 1980-х можно было из космоса наблюдать и дешифровать состояние почв, развитие эрозионных процессов, на основе космических съемок прогнозировать урожай сельскохозяйственных культур. Было налажено теснейшее сотрудничество института с Институтом космических исследований, Госцентром «Природа», ГосНИИ земельных ресурсов и многими другими научными и производственными организациями, что позволяло добиваться высоких результатов исследований и обеспечивать их внедрение.

А. М. НИКУЛИН: А в каком году Вы защитили кандидатскую и докторскую диссертации и на какие темы?

В. Н. ХЛЫСТУН: В 1974-м — кандидатскую, тема диссертации была связана с моей родиной, Кокчетавской областью: «Планирование использования земель в сельских районах Кокчетавской области Казахской ССР». Докторскую писал на тему «Основные этапы и направления развития советского землеустройства» и защитил ее в 1987 году. Это историко-экономическое исследование, первая часть которого была посвящена истории землеустройства, вторая — перспективам его развития.

В 1988–1989 годах в контексте проблем продовольственной безопасности в научных кругах и даже в Сельхозотделе ЦК КПСС стали активно обсуждаться вопросы, связанные с реформирова-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

нием земельных отношений. Ситуация конца 1980-х известна — по сути, провал Продовольственной программы, острая нехватка основных продуктов питания, низкая эффективность вложений в развитие АПК — шел лихорадочный поиск возможных путей выхода из кризиса. Я участвовал в таких обсуждениях, но достаточно пассивно, поскольку тогда у меня еще не сложились представления о возможностях коренного изменения земельных отношений, хотя уже созрело убеждение в их явном несоответствии современным вызовам. В это время я познакомился со многими людьми, мыслившими неординарно. Прежде всего это Алексей Михайлович Емельянов (самые первые контакты были, пожалуй, с ним). Потом — Владимир Александрович Тихонов, с которым мы встречались в ВАСХНИЛ у академика А. А. Никонова. В качестве проректора по научной работе меня приглашали на разные мероприятия, которые проводила академия. Это общение побудило меня переключиться с преимущественно технологических проблем землеустройства на оценку состояния и определение альтернатив развития земельных отношений как базы для эволюционных изменений в организации сельскохозяйственного производства. Когда весной 1989 года Александр Александрович Никонов предложил мне войти в состав рабочей группы по подготовке новой редакции «Основ земельного законодательства Союза ССР и Союзных республик», я с радостью согласился. Группа работала под эгидой Аграрного комитета Верховного Совета СССР, его председателем тогда был Аркадий Вепрев, очень колоритный и мудрый человек — председатель уникального колхоза из Красноярского края. Ее руководителем был А. А. Никонов, а в состав входили академики А. М. Емельянов, Э. Н. Крылатых, Б. И. Пошкус. Доктора юридических наук С. А. Боголюбов, И. А. Иконницкая, Г. Е. Быстров. Часто на заседания группы приходили депутаты — А. Собчак, дважды Герой Социалистического Труда В. И. Штепа и другие. Активное участие принимали молодые сотрудники ВАСХНИЛ Е. В. Серова, С. В. Киселев, А. В. Петриков. Шла очень интересная и напряженная работа, не прекращались жаркие дискуссии, но всегда преобладало намерение найти приемлемую для большинства, иногда компромиссную, точку зрения. По вопросу о собственности на землю изначально обсуждались две крайние позиции. Первая — «ничего не менять, сохранить государственную монополию собственности на землю», вторая — «вести наряду с государственной частную собственность».

В ходе острой дискуссии нашли компромисс — при сохранении государственной собственности установить право пожизненного и наследуемого владения землей. Это была достаточно серьезная юридическая новелла, она дала главную основу для нового документа. Были там и другие новации, но эта была основной. Я был автором ряда статей нового закона и активно поддержал эту, основную, его новеллу.

После принятия «Основ...» нужно было разрабатывать и принимать «Земельные кодексы» во всех союзных республиках. Для подготовки российского закона при Верховном Совете РСФСР была создана комиссия, председателем которой назначен замминистра сельского хозяйства Б. П. Мартынов, я был включен в ее состав. Надо сказать, что мы почти три месяца топтались на месте. Абсолютно разные взгляды, никак не могли выйти на определенные стратегические позиции, дискуссии были плохо организованы — говорили обо всем, но необходимой конкретики не было. На одном из очередных заседаний я предложил: «Давайте разделим закон: выведем в отдельный документ то, что принципиально меняет систему земельных отношений, условно назовем его “законом о земельной реформе”, а после его принятия подготовим Земельный кодекс — как свод регулирующих норм, вытекающих из принятого закона, изменившего земельные отношения. То есть сначала в рамках короткого закона о земельной реформе определим основные исходные позиции новых земельных отношений, а потом уже будем писать на этой основе нормы их регулирования».

К этому предложению члены комиссии отнеслись по-разному, в основном настороженно, но на заседании присутствовал заместитель председателя Аграрного комитета Верховного Совета СССР Иван Алексеевич Алтухов (до избрания депутатом работал деканом экономического факультета Горьковского сельхозинститута), который за эту идею ухватился и настойчиво меня поддержал. Мне сказали: «Если ты предложил, то возьми на себя подготовку первой редакции проекта». В принципе, у меня в мозгу этот закон уже сформировался, поэтому я буквально за ночь написал проект и утром привез его в рукописном виде в гостиницу «Украина», где жил Иван Алексеевич. Прочитав текст, он сказал: «Это то, что надо, нам нечего обсуждать его в комиссиях! Я прямо сегодня договорюсь обсудить этот вариант законопроекта в Аграрном комитете».

Откровенно говоря, я совсем не рассчитывал на поддержку, потому что 90% состава комитета были руководители крупных сельхозпредприятий. Во второй половине дня я доложил этот проект на заседании, и для меня стало абсолютной неожиданностью, что большинство его членов выразили ему поддержку, причем весьма активную. Председатель комитета В. А. Агафонов занял несколько выжидательную позицию, а второй его заместитель В. А. Захаров поддержал сразу. С горячей поддержкой выступили Ирина Александровна Вертоградская, директор НИИ из Кировской области, Иван Михайлович Подгорный, руководитель крупного хозяйства в Вологодской области, и многие другие. Подавляющим большинством присутствующих решили: этот проект закона надо продвигать. При обсуждении в текст практически не было внесено никаких изменений.

Одновременно с нашим проектом разрабатывался закон о крестьянском (фермерском) хозяйстве. Мы тогда познакомились с Вла-

димиром Башмачниковым, сверили наши проекты и в дальнейшем обсуждение двух законов шло параллельно сначала в Аграрном комитете, а потом в других. В процессе обсуждения в комитетах Верховного Совета в проект закона о земельной реформе практически ничего нового внесено не было, он прошел почти полностью в первой редакции. 23 и 24 октября эти законы были приняты.

Еще через несколько дней меня пригласил Григорий Явлинский, бывший в то время заместителем председателя Совета Министров РСФСР Ивана Степановича Силаева, и сказал: «Я ознакомился с вашим проектом закона, мы обсудили его с Иваном Степановичем и решили, что этот закон надо принимать, а для его реализации нужно создать специальный правительственный орган — Государственный комитет по земельной реформе. Мы предлагаем Вам его возглавить». Я ответил сначала отказом: «Понимаете, я — ученый, сейчас занимаюсь тем, что мне очень нравится, я разработчик и готов в этом качестве сутками работать, но я не чиновник и никогда не видел себя в этой роли». Явлинский дал сутки на раздумье. На следующий день я пришел к нему с твердым убеждением отказать, но он, увидев меня, говорит: «По лицу вижу, что не согласен. Пошли к Ивану Степановичу». Сначала он к нему зашел, я ждал в приемной. Потом меня пригласили. Захожу. Силаев выходит из-за стола и говорит: «Виктор Николаевич, это же не по-мужски! Прокукарекал — а делают пусть другие?» И меня эта фраза переломила, решил попробовать и согласился.

Процесс назначения министром в то время был чрезвычайно интересен. Совсем не то, что потом. Прохождение кандидатуры на должность министра (а председатель Госкомитета имел статус министра) начиналось с того, что все кандидаты, и я в том числе, должны были пройти психологическую комиссию. В ее составе были 12 сильнейших психологов страны, которые за круглым столом в Верховном Совете вели с кандидатом двухчасовую беседу обо всем: биографии, интересах, спорте, культуре, искусстве, семье, профессии... Причем один сидит напротив, а двое по бокам, которые на меня пристально смотрят, в беседу не включаются. Остальные задают вопросы, а эти трое только наблюдают за мной. По результатам беседы составлялось психологическое заключение.

А. М. НИКУЛИН: Никаких тестов, просто длительная беседа?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да. Заключение писалось только в одном экземпляре, который передавали Силаеву, а тот потом — Ельцину. Там было много оценочных показателей, но четыре главные: реакция, скорость мышления, интеллект и креативность. Остальные менее важны. Эту комиссию преодолевали далеко не все. После комиссии мне нужно было пройти шесть комитетов Верховного Совета. Шесть! Везде я делал доклад о своем видении земельной реформы, об организации работы нового ведомства. Каждый комитет давал свое заключение, после этого в двух палатах (Верховный Совет был двухпалатный) нужно было выступить с докладом и от-

ветить на множество вопросов и только после этого на двухпалатном заседании Верховного Совета сделать доклад и пройти тайное голосование. Еще кнопок не было, голосовали в урнах. Вся процедура назначения заняла почти два месяца. По результатам тайного голосования я набрал 87% голосов и был назначен Председателем Государственного комитета РСФСР по земельной реформе.

А. М. НИКУЛИН: А были и другие кандидаты?

В. Н. ХЛЫСТУН: Вторая кандидатура Комов Николай Васильевич. Его до моего назначения утвердили первым замом председателя комитета, еще не существующего. А перед этим он занимал должность начальника Главного управления землепользования и землеустройства Министерства сельского хозяйства РСФСР, то есть был главным землеустроителем в Российской Федерации. Он тоже проходил все эти этапы, но первой правительство внесло мою кандидатуру.

Нужно было создавать новую службу практически с нуля. Причем одновременно нужно было развивать законодательство, готовить подзаконные нормативные акты и формировать вертикальную структуру управления земельными ресурсами по всей республике. За очень короткое время удалось собрать очень креативную и дееспособную команду. Моими заместителями и убежденными соратниками стали Н.В. Комов — самый опытный и сильный управленец, которому я весьма благодарен за сотрудничество и дружбу до настоящего времени, В. В. Алакоз — один из самых известных в стране специалистов в области землеустройства, П. Ф. Лойко — крупный ученый в области кадастра и мониторинга, В. Ф. Башмачников — ученый и главный организатор фермерского движения...

В ведение комитета из Министерства сельского хозяйства РСФСР передали Главное управление землепользования и землеустройства, но его функции не были связаны с реформированием, они вели земельный кадастр, землеустройство, осуществляли государственный контроль. А вот главным содержанием деятельности Госкомзема стало коренное изменение системы земельных отношений, формирование многоукладного землепользования, развитие фермерства и организация использования земель в новых условиях — по сути, нужно было создавать новые структуры и функции системы управления земельными ресурсами. И надо сказать, что все это появилось всего за два месяца, к началу 1991 года. Причем сначала у нас даже своего помещения не было: то мы в Минсельхозе ютились, то в Белом доме одна комната была выделена. За эти же два месяца были сформированы наши региональные структуры, разработана и начала реализовываться Программа земельной реформы. Не могу не отметить, что это, пожалуй, единственная государственная программа, которая была не только выполнена в полном объеме, но даже перевыполнена. Представьте, что за первые восемь месяцев ее реализации в России вдвое увеличилась площадь земель под садоводством и огородничеством. Были полностью от-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

граничены и переданы в ведение местных советов земли сельских населенных пунктов, проведена инвентаризация всего земельного фонда республики, обновлена планово-картографическая информация для значительной части территории республики, появилось более 100 тысяч фермерских хозяйств, открыты новые факультеты землеустройства в вузах и отделения в техникумах и многое другое.

Все это проходило на фоне острейших дискуссий и преодоления достаточно мощного сопротивления значительной части местных руководителей. Надо сказать, что в это время нам очень помогали СМИ. Мы неоднократно проводили публичные диспуты на телевидении. В прямом эфире мне приходилось дискутировать, например, с В. А. Стародубцевым, одним из противников реформ, с руководителями Минсельхозов СССР и РСФСР. При этом у меня со всеми были прекрасные человеческие отношения. С Василием Александровичем мы, будучи абсолютными идеологическими антиподами, сохраняли товарищеские отношения до самой его смерти. Существовала открытая телевизионная площадка, на которой мы могли публично спорить и отстаивать свои позиции, и это давало очень неплохие результаты. Практически неограниченно мне и моим заместителям предоставляли время для информации на разных телевизионных и радиоканалах, в газетах. С этой точки зрения это было очень благодатное время. Во многом именно с помощью СМИ нам удалось много сделать в течение короткого периода до августовского путча 1991 года.

Одним из главных направлений работы Госкомзема стало развитие российского фермерства. Его возглавил в качестве заместителя председателя В. Ф. Башмачников, который одновременно был одним из руководителей АККОРа. Интересна история с его избранием президентом этой ассоциации. На первом ее съезде президентом стал академик Алексей Михайлович Емельянов. Где-то за три недели до второго съезда мне звонит Руслан Хасбулатов и говорит: «Я прошу, прими одного человека — заместителя председателя правительства Дагестана. Посмотри его на предмет рекомендации президентом АККОРа». Я впервые услышал эту фамилию, и когда он у меня появился, я спросил: «Зачем вам это надо? Какое вы имеете отношение к фермерскому движению?» Ответ: «Я курирую сельское хозяйство в Дагестане, там есть семейные хозяйства и я их поддерживаю». Я спрашиваю: «А вас знают фермеры России? Вот я выведу вас на трибуну съезда АККОРа, как эти громкоголосые ребята отнесутся к человеку, которого в первый раз видят? Есть люди, которые уже давно работают в этой сфере, которые уже завоевали авторитет, их знают, им доверяют. И вместо такого человека я представлю вас? Я не буду этого делать».

И началось! Звонит Силаев. Я говорю, что готов оставить свою должность, но на такой стыд не пойду, чтобы навязывать съезду лицо, которое фермеры не знают. Вызывает Исаев — зампреда Верховного Совета, затем Хасбулатов. У Хасбулатова сидит

Кулик Геннадий Васильевич, зампред Правительства РСФСР — министр сельского хозяйства, и тоже на меня давит в этом плане. Говорю: «Если этот человек такой хороший, так возьмите его себе, зачем его сюда навязывать?»

А. М. НИКУЛИН: То есть тогда, в перестройку, тоже была практика номенклатурных продвижений-назначений?

В. Н. ХЛЫСТУН: К сожалению, да.

А. М. НИКУЛИН: Притом что вы вон какой конкурсе проходили, а тут просто навязывают: «Возьми!»

В. Н. ХЛЫСТУН: Я сказал, что представлять его не буду. Ваше право прийти на съезд и представить его, но я не просто не буду его представлять, но выступлю «категорически против». Однозначно буду рекомендовать Башмачникова. На следующий день узнаю, что этот человек назначен заместителем министра сельского хозяйства РСФСР.

А. М. НИКУЛИН: А почему произошла замена Емельянова на Башмачникова?

В. Н. ХЛЫСТУН: По просьбе Емельянова. Он был больше почетным президентом, а Башмачников — вице-президентом и львиную долю всей организационной работы брал на себя.

А. М. НИКУЛИН: То есть Емельянов — это такой «идеолог-популяризатор», а реально выполнял административную работу Башмачников?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да. И по подготовке закона о крестьянско-фермерских хозяйствах больше работал Башмачников, хотя вклад Алексея Михайловича в воссоздание российского фермерства, несомненно, велик. И не только как идеолога, но и как депутата Верховного Совета СССР, всеми возможными средствами поддерживавшего это движение.

В общем, начальный период реформ, на мой взгляд, был достаточно успешным. Полагаю, что была избрана разумная тактика с точки зрения не сиюминутного разрушения того, что сложилось, а постепенного выделения из него новых форм хозяйствования и новых форм собственности. Не разово и не жестко.

А. М. НИКУЛИН: Значит, попытка создания многоукладности, но не способом шоковой терапии.

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, и первый год показал, что даже при сопротивлении, которое было на местах, при определенном искажении противниками целей земельной реформы процесс шел вполне успешно, и основная часть населения такое реформирование поддерживала.

А дальше был августовский путч. 19 августа мы с Силаевым должны были встречаться в одном из КФХ Одинцовского района с фермерами Московской области. Договорились, что рано утром встречаемся с ним на Минском шоссе. Я приехал туда, его нет. Подождал, звоню в приемную. Говорят: «Иван Степанович ждал Вашего звонка и просил извиниться перед фермерами, Вам как мож-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

но быстрее нужно приехать в Белый дом, у нас тут очень острые события». Не сказали какие.

Я даже не поехал в Одинцово, позвонил Башмачникову, чтобы предупредил об отмене встречи, а сам приехал в Белый дом и все три дня был на его территории, периодически выезжая ненадолго в комитет. Мне очень обидно, что Ивана Степановича Силаева мои коллеги — Полторанин, Шахрай, Федоров — после этих событий обвиняли в том, что он в критический момент 20 августа сбежал из Белого дома. Это абсолютно несправедливое утверждение, я много раз его опровергал, ведь все это происходило на моих глазах. Был сильный сердечный приступ у его жены, он сказал, что отлучится на час, потому что врачи не ручались за ее жизнь. Его не было в правительстве максимум два часа, потом он быстро вернулся и всю самую тревожную за время путча ночь был на месте.

Всех членов правительства вооружили, мне дали пистолет Стечкина без кобуры, и я носил его за поясом, все время думая: неужели мне придется стрелять? Вот придут эти мальчишки-солдаты, неужели мне придется их убивать, это же страшно! Периодически мы выходили на улицы, разговаривали с военными на танках, убеждали вернуться в расположение своих частей. Реагировали на нас по-разному, чаще отмалчивались.

После событий августа ситуация стала меняться. Правительство Силаева отправляют в отставку, мы все получаем статус «временно исполняющих обязанности», но продолжаем работать в своих министерствах и ведомствах

А. М. НИКУЛИН: А почему правительство отправили в отставку?

В. Н. ХЛЫСТУН: Сначала из-за отставки Силаева, который перешел в экстренно созданный Межреспубликанский экономический комитет, потом в связи с формированием нового состава Правительства России. Б. Н. Ельцин по представлению Г. Бурбулиса сделал ставку на группу молодых экономистов во главе с Е. Т. Гайдаром. Старое правительство ушло в отставку, новое было утверждено 15 ноября 1991 года.

Вечером 14 ноября мне звонит госсекретарь Геннадий Бурбулис: «Тебе нужно быть завтра в половине десятого у президента». Спрашиваю: «На какой предмет?» «На предмет назначения министром сельского хозяйства». Я говорю: «Да вы что, я землеустроитель! Я не агроном, не зооинженер!» Он говорит: «Вот и скажи это все президенту, не мне». Я всю ночь готовился к речи — убеждать президента в том, что я не готов занять эту должность. Приезжаю в Кремль, у него журналисты. В 9.40 меня приглашают. Он выходит из-за стола с бумагой в руке и говорит: «Виктор Николаевич, надо поработать в новой должности!» Я говорю: «Борис Николаевич, я не готов занимать эту должность!» — и собираюсь продолжить заготовленную тираду — почему я не готов. Он меня прерывает: «А я, что ли, готов быть президентом? Будем учиться и работать. Вопрос

решен, не обсуждается. На, читай!» Отдает мне подписанный указ и уходит в заднюю дверь. И вся моя заготовка... Уже у двери повернулся ко мне и говорит: «У вас осталось всего 15 минут, чтобы доехать на первое заседание правительства».

Когда я приехал на Старую площадь, заседание правительства уже началось. Захожу в зал на выступлении Ельцина. Он прервался, пожевал губами: «Почему опаздываете?» Я думаю: «Ничего себе!» Он еще пожевал губами и говорит: «Тут некоторые считают, что не готовы работать в Правительстве России, так это я буду решать, кто готов, а кто нет». Жестко так. В общем, видите: с интервалом в год две абсолютно разных процедуры назначения министров.

Мне, конечно, было интересно узнать, почему возникла моя кандидатура. Оказалось, Гайдар когда-то проводил совещание в Белом доме, на котором я присутствовал. Там были Кулик — мой предшественник, Титов — губернатор Самарской области, другие губернаторы. Речь шла об аграрной реформе и все выступавшие говорили о своих представлениях, как она должна выглядеть, по каким направлениям она должна развиваться. Все говорили, что надо взять за основу земельную реформу, расширить ее до аграрной. Я тоже выступил, но даже не думал, что, оказываясь, это были своеобразные «смотрины». Но даже не это сыграло ключевую роль. Как мне сказали потом, Гайдар советовался с А. М. Емельяновым и А. А. Никоновым, и они оба, независимо один от другого, назвали мою фамилию. Так неожиданно мне пришлось стать первым министром сельского хозяйства постсоветской России.

Первоочередной была задача сформировать команду, что оказалось весьма непросто. Представьте ситуацию: по состоянию на 15 ноября 1991 года в СССР и РСФСР в общей сложности значились 9 министерств и ведомств, которые занимались аграрно-промышленным комплексом: Минсельхоз СССР, Минсельхоз РСФСР, Минсельхоз нечерноземной зоны РСФСР, министерства сельского строительства СССР и РСФСР, Министерство мелиорации и водного хозяйства и так далее. В них работали более 25 тысяч человек. И мне нужно было создать на их базе одно министерство с численностью работающих 1560 человек. Из 25 тысяч — 1560! Это очень непростая проблема, ведь речь шла и о последующем трудоустройстве увольняемых людей, и выборе из них руководителей и специалистов, способных работать в принципиально новых условиях. И решить эту задачу следовало за предельно короткое время, потому что откладывать некуда, надо начинать работать. Тем более что на первом заседании правительства мне был установлен срок представления Программы аграрной реформы не позднее 15 декабря. 15 ноября меня назначили, а через месяц я уже должен был представить весь пакет документов по коренному переустройству всей системы продовольственного обеспечения страны.

Через два дня после назначения состоялся первый разговор с Гайдаром. Начался он в 2 часа ночи, Гайдар сразу спросил о моем видении главных направлений реформы АПК. Я говорил о введении многообразия форм собственности и форм хозяйствования, о техническом перевооружении, о решении социальных проблем села и так далее. Он меня прервал и говорит: «Наверное, все это важно, но не сегодня. Главная задача на сегодня — это сокращение сельским хозяйством объемов потребляемых ресурсов. Село поглощает значительную часть государственного бюджета, оттягивает огромное количество очень важных для страны ресурсов — нефтегазовых, электроэнергии и так далее, поэтому Ваша главная задача — резко сократить потребление ресурсов в аграрной сфере». Я говорю, что в этом случае произойдет столь же резкое снижение объема производимого продовольствия в стране! Нам его сегодня не хватает, а что же будет потом? Он говорит: «Это не проблема. У нас есть экспортно ориентированные отрасли экономики, которые нам позволят закупить недостающую часть продовольствия за рубежом. Мы — страна, как вы же, аграрники, утверждаете, которая находится в неблагоприятной зоне с точки зрения земледелия, зачем нам тратиться на низкую урожайность, низкую продуктивность скота, когда мы можем закупить по мировым, относительно невысоким ценам, весь необходимый объем продовольствия».

Я говорю: «А с людьми что делать? Ведь почти 40% населения страны проживает в сельской местности. Что прикажете с ними делать? Они лишними окажутся в таком случае в России?» Он ответил: «Ну проблема в этом есть, но она не является главной». Тогда я сказал: «Егор Тимурович, я не буду выполнять такую программу. Готов тотчас же написать заявление об отставке». Реакция была такая: «Ну что же, это тоже выход. Но давайте не будем спешить. Вернемся к продолжению этого разговора через несколько дней. Я вас приглашу».

Утром я приехал в Минсельхоз и собрал для экстренного разговора членов формируемой команды. В нее уже входили Александр Ефремов — депутат Верховного Совета РСФСР, последний Герой Соцтруда, председатель колхоза в Курганской области, активно поддерживавший земельную реформу; Анатолий Копылов — очень креативный человек, работавший ранее в колхозе В. Стародубцева в качестве его заместителя, но имевший иные представления о будущем сельского хозяйства; Б. Лякин — опытный аппаратный работник; А. Огарков — бывший директор НИИ сельского строительства, и еще несколько человек, уже приступивших к работе. Я описал сложившуюся ситуацию и получил настоящую отповедь против моей возможной отставки. В один голос все заявили: «Виктор, иди на компромиссы! Если ты уйдешь, то будет назначен человек, который будет устраивать «их» в полной мере. Надо это видение переламывать. Мы тебя умоляем не делать этого, другой

альтернативы просто нет». Буквально в этот же день звонит мне Алексей Михайлович Емельянов: «Ты чего там бастуешь? Прошу тебя, не делай этого. Мне Егор звонил, я не согласился с его позициями. Убедительно тебя прошу — не надо здесь делать жестких телодвижений, ищи компромиссы». Вызвал меня Гайдар через пару дней и сказал: «Давайте попробуем найти какие-то срединные позиции между моими представлениями и Вашими и постараемся найти консенсус». Я согласился. Мы действительно искали компромиссы и во многих случаях их находили, но далеко не всегда.

С первых дней начался процесс подготовки проектов Указа президента и постановлений правительства о реформировании системы управления, о реорганизации колхозов и совхозов и других документов, связанных с реформированием АПК. Меня часто упрекают в том, что якобы Хлыстуном и его командой принимались чисто административные решения, что наука в этом не участвовала. Действительно, многие ученые — противники реформ в их подготовке не участвовали, и потом говорили и писали об отсутствии их научного обоснования. Но это совершенно не так, в процессе подготовки всех важнейших решений участвовали очень многие экономисты, юристы, землеустроители, экологи и другие. Я могу назвать имена как минимум двух десятков ученых, которые вместе с командой министерства работали и над идеями, и над конкретными документами, определившими стратегию и тактику аграрных преобразований. В их числе, кроме названных выше академиков, следует упомянуть активное участие экономистов И. Н. Буздalова, Э. Н. Крылатых, В. Я. Узун; юристов С. А. Боголюбова, И. А. Иконницкой, З. С. Беляевой, Е. А. Галиновской, В. В. Устюковой, Г. Е. Быстрова; тогда молодых еще ученых Е. Серовой, С. Киселева, А. Петрикова и многих других.

В. Я. Узун в своем интервью для «Крестьяноведения» уже говорил, что в подготовке пакета документов принимали участие экономисты М. Э. Дмитриев и О. В. Григорьев, хотя главные роли они не играли. Более того, мне пришлось очень жестко с ними спорить. Особенно с человеком из этой команды П. С. Филипповым, который склонял А. Чубайса к позиции включения всего имущества и земель сельхозпредприятий в общий фонд ваучерной приватизации. При этом сельские жители должны получать только ваучеры наравне с другими гражданами страны и могут отоварить свои ваучеры землей и имуществом колхозов и совхозов на равных основаниях с жителями городов.

Наша позиция в этом плане была предельно жесткой: я сказал, сельскохозяйственные земли и имущество сельхозпредприятий могут приватизировать только лица, проживающие в сельской местности. Когда дискуссия с командой Чубайса накалилась до предела, я пошел к президенту и изложил ему суть наших противоречий. Он меня однозначно поддержал, сказав, что «Земля — крестьянам!» — очень правильный лозунг. Противники с этим смирились.

Внутри у нас тоже была «драчка»: практически абсолютное большинство моей команды считали, что и земля, и имущество — только для работников колхозов и совхозов. Моя позиция была более справедливой: я был уверен, что землю могут получить все проживающие на данной территории, включая пенсионеров, работников социальной сферы, образования и так далее. Имущество колхозов и совхозов — только их работникам, земля — всем проживающим на селе. Это решение я буквально продал, иначе огромное количество сельских людей мы бы просто «кинули» в проведении такой земельной реформы.

А. М. НИКУЛИН: Конечно! В колхозе действительно все было общее. Вся «социалка» тоже работала на колхоз.

В. Н. ХЛЫСТУН: Представьте, сельский учитель. Он так же живет в деревне — в таком же доме, у него корова такая же, он сено косит, дрова заготавливает. Почему мы его выбрасываем из процессов наделения землей?!

Все документы, которые родились на первом этапе реформы и все последующие, — это плод работы не только чиновников Минсельхоза, но и результат постоянного общения с учеными. «Диспетчером» в этом взаимодействии выступал Анатолий Сергеевич Копылов. Он был заместителем министра и курировал департамент реформирования агропромышленного комплекса. Он организовывал все эти встречи, я, как правило, в них участвовал, на них выработывались все принципиальные решения. Конечно, последнее слово всегда было за министром, но в нем всегда присутствовали мнения ученых.

Сегодня другое время, законы готовят годами и ошибок при этом все равно немало, а тогда все нужно было делать в считанные дни. Конечно, избежать ошибок было нереально, но убежден, что они носили тактический характер и не сыграли ключевую роль в проведении реформ. Что же касается стратегических решений, то я и сегодня убежден: они были правильными.

А. М. НИКУЛИН: Вы имеете в виду лозунг 1991 года «Земля — всем сельским жителям»? Не просто работникам колхозов и совхозов, а всем сельчанам?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да. Вставал и такой вопрос: «А нужно ли вообще приватизировать землю?» Имелось в виду, что фермерам будут продолжать постепенно выделять землю, она будет так же передаваться в аренду совхозам и колхозам, которые сохраняются и продолжают работать, но из них крестьяне могут выходить для создания фермерских хозяйств. Такая позиция вполне имела право на существование. Я даже был в значительной степени склонен к тому, чтобы пойти по этому пути. Но общая линия была на разгосударствление всей собственности, поэтому эта позиция не вписывалась в общее настроение, и мне пришлось от нее отказаться. При этом я был противником жестких темпов, ускорения этого процесса, я старался не форсировать его до тех пор, пока не будет появляться есте-

ственное желание у людей переходить на новые формы хозяйствования. К сожалению, мне здесь тоже не удалось отстоять свои позиции, давление со стороны правительства было очень мощное, требования об ускорении этих процессов не сходили с повестки дня его заседаний. Вопрос о подходах к приватизации земли до сих пор обсуждается. Даже мои преемники на посту министра — В. Семенов и А. Гордеев — говорили о том, что не надо было землю на доли разделять.

А. М. НИКУЛИН: Да, есть такое мнение: «Зачем раздробили землю на паи, теперь вот мучаемся со всем этим».

В. Н. ХЛЫСТУН: Но дело-то в том, что за всю историю человечество изобрело лишь три способа приватизации. Три! Первый — реституция, возврат прежним собственникам, второй — продажа, третий — уравнительное распределение. Последний — это, несомненно, самый неэффективный, он не порождает тотчас эффективного собственника, это понятно, но два других-то абсолютно не годились для России. Поэтому не самая эффективная форма — уравнительное распределение, оказалась, по сути, единственно возможной. Или надо было сохранять монополию госсобственности, других вариантов не было. Еще никогда на мой вопрос своим критикам — как иначе нужно было проводить приватизацию земли, я не получал вразумительного ответа.

А. М. НИКУЛИН: Чаянов говорил о том, что надо учитывать не только экономическую рентабельность, но также и социальную рентабельность реформ — социально подходящих для сельского населения.

В. Н. ХЛЫСТУН: Несомненно! Тем более что мы имели в виду, что, в принципе, люди имели бы возможность и право распорядиться этой возникшей своей долевой земельной собственностью, вступая и в любые коллективные формы ведения хозяйства. Для этого никаких препятствий не было. Но для этого надо было людям все разъяснить. А в общественном мнении пошло гулять утверждение, что колхозы и совхозы разгоняются, все разбредаются по частным крестьянским дворам, и это вызывало сопротивление сельских сообществ. И здесь я должен сказать, что СМИ заняли позицию не просто негативную, а какую-то... непатриотичную. Я обращался ко всем до сих пор высокопочитаемым людям, которые выступали организаторами нового информационного пространства, с просьбами помочь в разъяснении сути аграрных реформ, и мне все единодушно отвечали: «Виктор Николаевич, пожалуйста, сколько хотите эфирного времени! Только за него заплатите!»

А. М. НИКУЛИН: Это уже 1991 год, когда телевидение коммерциализировалось?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да. Если в 1990-м я приходил в Гостелерадио и говорил, что именно нам надо, мы составляли программу, при этом о деньгах речь вообще не заходила, то в 1991-м — «плати».

А. М. НИКУЛИН: Значит, информационное пространство к тому времени уже оказалось приватизированным?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, а в бюджете Минсельхоза не было предусмотрено ни копейки на информацию! И должен сказать, что такой радикализм массмедиа искажил в известной степени восприятие аграрных реформ среди населения. Вот телепередача «Сельский час» Юрия Черниченко, с которым я много соприкасался. Я ему говорил, что так не надо выступать. Умный политик даже из своих противников делает сторонников, а глупый — наоборот, из потенциальных сторонников делает врагов. Все эти его навешивания ярлыков на председателей колхозов: «красные помещики», «агроулаг» и другие — только вредили.

А. М. НИКУЛИН: Вообще-то еще в начале 1980-х, когда Черниченко вел «Сельский час», он был «певцом» развития колхозно-совхозного агропромышленного комплекса. И вдруг к концу 1980-х совершил такой поворот, став «бардом» экспансии рыночного фермерства.

В. Н. ХЛЫСТУН: Был бы он один, тогда бы ладно. Но такие ярлыки и мнения стали гулять повсюду. И те, кто мог бы быть сторонником реформ, заняли место «по другую сторону баррикад», раз уж их все равно отнесли к «врагам». А это ведь люди, к которым сельское население прислушивалось, они формировали общественное мнение на местах, несли информацию. И когда их превратили во врагов, они трансформировали свои позиции, влияя и на сельское окружение. Противостоять этому было трудно, потому что, сколько бы я ни проводил региональных совещаний, мотаюсь по стране, все равно дальше руководителей информация не шла. А ведь населению нужна прямая информация, «из первых уст», что называется, а этого не было, наоборот, всяческие искажения.

Во многом это зависело и от губернаторов. Губернатору Краснодарского края нужно было как можно быстрее все разбить вдребезги. Я ему говорил, что не надо этого делать, ведь кубанское крестьянство, как и донское, имеет свои особенности, свои традиции. Навязанные позиции они не принимают, с ними надо по-другому работать. Но, к сожалению, или слишком быстро хотели, или, наоборот, очень тянули. Повремени — и дурь могла пройти. Поэтому была в аграрных реформах очень неравномерная картина по России. Моя команда разрывалась в поездках по стране, нужно было донести надлежащую информацию, но мы не успевали это делать, отсюда и всяческие искажения. И тем не менее если подводить общий итог, то я убежден, что сегодняшнее позитивное состояние АПК во многом базируется на том, что было заложено в начале 1990-х годов.

А. М. НИКУЛИН: Замыслы в целом были правильные, но их исполнение оставляло желать лучшего?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, если говорить о деятельности по реформированию аграрных и земельных отношений. Но это не единственное направление работы министерства. Параллельно нужно было создать новую систему управления АПК, формировать ин-

фраструктуру агропродовольственного рынка, развивать систему аграрного кредита и лизинга и т. д.

А. М. НИКУЛИН: Я прерву Вас на этом месте особенным вопросом. Вот Ваше личное мнение: Вы все же были «вхожи во власть», Вы уже министр в 1991 году. СССР тогда можно было сохранить?

В. Н. ХЛЫСТУН: В том виде, каким он был, — нет. Но как федеративное государство — несомненно. Может быть, без Прибалтики, но остальные республики могли остаться в Союзе. Но ведь тогда рассматривались и сталкивались только радикальные позиции. Или сохранить все так, как есть, — а это было абсолютно невозможно, или непременно все переломать так, как и переломали. На мой взгляд, были возможности создать цивилизованное федеративное государство с передачей значительной части полномочий федеративным республикам, входящим в его состав. Это можно было сделать. Почему этого не произошло? Потому что любые позитивные вещи происходят в процессе эволюции. А мы должны признать, что у нас была РЕВОЛЮЦИЯ, и экономическая, и административная. А в рамках любой революции появляется огромное количество вождей. И эти вожди начинают диктовать свои требования, которые крайне плохо согласовываются между собой. Именно это и произошло с руководителями союзных республик, в том числе и России. Их вождизм подогревался в определенной степени недовольством людей в регионах, которое выливалось в различные акции протеста. На этом фоне все выглядело так, что народ устал и требует перемен в надежде, что в самостоятельных национальных государствах будет легче добиться улучшения своего благосостояния.

А на самом деле, если по большому счету, никому разваливать СССР не было полезно. Да, мы могли сохранить федеративное государство, но позиции тогдашних политических руководителей... Вот говорят, что Назарбаев не подписал договор, воздержался. Но у него тем не менее были свои представления о казахском суверенитете. И от этого не уйти. Любой руководитель республики мнил себя национальным лидером. И преодолеть это, отнять у них, отстранить их — было невозможно. Но сесть за стол переговоров, обсудить и принять взвешенные решения, сказав: «Богу — Богово, кесарю — кесарево», четко разделить функции и полномочия, несомненно, было возможно. К сожалению, в стране не было лидера, который мог бы осуществить подобный проект.

А. М. НИКУЛИН: А тут еще и противостояние между Ельциным и Горбачевым. В решающий час центральное руководство страны вдруг оказывается в состоянии глубокого конфликта.

В. Н. ХЛЫСТУН: Происходил не поиск оптимальных решений, а поиск позиций, которые могли бы умалить значение и вес другого. Беда в этом...

Таким образом, в условиях этих центробежных стремлений нам было очень сложно выработать систему управления. А это было не менее важно, чем реформировать систему аграрных отношений.

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

Необходимо было выстроить систему управления для проведения единой аграрной политики.

Что мы сделали для этого? На мой взгляд, нашли срединный путь. Мы сказали: «Да, руководители органов управления АПК в субъектах РФ назначаются губернаторами, но по согласованию с Министерством сельского хозяйства». А потом подумали — а почему «по согласованию», давайте совместными приказами. Давайте подпишем с регионами соглашения о взаимодействии по вопросам развития АПК! Главы большинства регионов согласились. Мы подготовили шаблон и заключили соглашения с 84 субъектами. Якутия отказалась подписывать и какие-то еще два субъекта РФ. Соглашения предусматривали два источника финансирования сельского хозяйства — бюджет субъекта РФ и бюджет РФ. Мы четко в этих соглашениях расписали — какие полномочия выполняются местными органами управления АПК по линии администрации региона, какие действия и поручения они выполняют по линии федерального Министерства сельского хозяйства; по каким позициям они подотчетны местной власти, по каким Минсельхозу РФ. И эта схема сработала, я даже не думал, что она сработает так хорошо. За достаточно короткое время сложились очень деловые отношения с регионами практически по всем направлениям деятельности.

Сложились прекрасные отношения и с губернаторами. Я не могу сказать, что у меня были какие-то противостояния с кем-то из региональных руководителей. Были ситуации, когда в порыве гнева ко мне обращается глава региона с требованием снять с работы руководителя аграрного департамента губернии (тогда в них еще не было министерств сельского хозяйства). Приглашаю к себе такого руководителя, выясняю его позицию, звоню губернатору и говорю: давай повременим, дай возможность человеку поработать. Такие случаи были. По назначению — присылают кандидата, рассматриваем, соглашаемся или не соглашаемся. Чаще соглашались. Я считаю, что нам тогда удалось выработать нормальную систему отношений.

Очень сложно было организовать поставки между регионами, потому что многие, в том числе и Кубань, решили, что не будут выпускать продукцию за пределы своих территорий. Кубань не выпускала зерно. Милиция стояла на границах Краснодарского края, не пропускала грузженный зерном транспорт. Мы их уговариваем, грозим отключением региона от федеральной бюджетной поддержки. В конце концов находим приемлемое решение. Иными словами, старались находить рычаги воздействия и механизмы взаимодействия. Возникали различные спорные ситуации, которые приходилось разрешать, но они не были критическими. Не помню ситуаций, когда приходилось бы выносить проблему на уровень решения Президента РФ. Что касается кадрового состава министерства и особенно руководства его подразделений, то люди были приглашены на работу только на основе профессиональных и деловых качеств.

Требования были самые жесткие. И замечу, никто из моей команды не был замешан ни в каких неприятных ситуациях, никто не стал олигархом. Я тоже не имею ни одной акции и ни одного гектара, кроме 12 соток с небольшим домом в Подмосковье.

А. М. НИКУЛИН: Это важная характеристика.

В. Н. ХЛЫСТУН: Более того, А. Устюжанин, который был первым замом у моего предшественника и продолжал некоторое время работать со мной, был освобожден от работы тотчас, как стало известно, что он принял участие в приватизации и получил долю в капитале одного из перерабатывающих предприятий. На его место я пригласил Владимира Николаевича Щербака, который до этого был министром пищевой и перерабатывающей промышленности, и всегда считал, что это решение было абсолютно правильным. У нас с ним сложилось очень хорошее соотношение обязанностей: я в большей степени сосредотачивался на разработке и реализации стратегических позиций, он, будучи опытным практиком, осуществлял оперативное управление.

Очень важную роль играл руководитель финансово-экономического блока Николай Васильевич Аверьянов. Как опытному финансисту я предоставлял ему достаточную автономию, которую он использовал весьма ответственно. Принципиальные позиции мы согласовывали, но не я бегал по экономическим ведомствам, выколачивая средства, а Николай Васильевич. Только по крупным проблемам мы согласовывали аргументацию, переговоры на уровне министров вел я, а дальше всю необходимую работу делал он, и гораздо профессиональнее, чем мог бы ее выполнить я. Практически все сотрудники министерства были настоящими профессионалами, и это позволяло нам в труднейших условиях кризиса экономики удерживать АПК от полного разрушения.

А. М. НИКУЛИН: Безусловно, важно, когда руководитель не боится окружать себя талантливыми людьми и знает, что кто-то из них может сделать что-то лучше него самого.

В. Н. ХЛЫСТУН: В команду пришли очень компетентные люди: кроме названных выше это были профессор Анатолий Пупонин — ректор Тимирязевки, курировал науку и образование, Владимир Алгинин — бывший начальник Главка Калужской области, Александр Калганов — глава мелиоративной службы Ростовской области, Вячеслав Авилов — один из самых авторитетных специалистов в области ветеринарии, Владимир Блохин — знавший состояние животноводства, как никто другой... Практически все руководители департаментов были, несомненно, крупнейшими специалистами в своей сфере деятельности. В основном это люди, приглашенные в министерство из различных регионов, они хорошо знали ситуацию в стране, и это мне тоже во многом помогало. Слава богу, что за оба периода моей работы в министерстве ни один его сотрудник не был обвинен во взяточничестве или в других преступлениях. С этой точки зрения, я считаю, министерство было сфор-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»*

мировано удачно, оно смогло в тех тяжелейших условиях выполнить свою миссию.

Чего стоила только установка на резкое сокращение ресурсов для села, которая, несмотря на все компромиссные заявления, реализовывалась очень последовательно. В 1992–1994 годах доля АПК в расходной части бюджета колебалась от 2 до 4% (против 15–17% в последние годы СССР), да еще и суммы средств выделялись неритмично, чаще всего в конце года и далеко не в полном объеме.

Что было главным содержанием моей деятельности как министра в этот период? Реформа пошла, ее нужно отслеживать, сопровождать соответствующим образом. Система управления сформирована, следовало обеспечить нормальное функционирование ее механизмов, но нужно было создавать практически заново всю систему обеспечения функционирования АПК.

Во-первых, это выстраивание системы кредитования. В СССР Госбанк был единственной структурой, которая предоставляла кредиты селу. Чаще всего безвозвратные, они периодически списывались. В самом конце советского периода был создан Агропромбанк, но к 1991 году он был почти недееспособен. Нужно было сформировать его филиалы во всех субъектах РФ и отделения во всех сельских районах, найти возможности и источники формирования кредитной базы, подключив к решению этой задачи государство. Банк возглавил очень сильный специалист Ю. В. Трушин, и вместе с ним нам удалось в значительной мере решить эту задачу путем разработки и внедрения инструментов льготного кредитования. Система была создана, но ее финансовые возможности позволяли обеспечить потребности в кредитах не более чем на 30%. И это было одной из причин падения объемов аграрного производства и других негативных явлений. Несмотря на все наши усилия, средств катастрофически не хватало.

Во-вторых, постоянная борьба с диспаритетом цен. Сложилась совершенно убийственная ситуация. Можно быть сто раз рыночником, но нельзя не видеть, каковы реальные процессы, происходящие на рынке без должного регулирования со стороны государства. Различные ресурсно-финансовые потоки формируются в условиях осуществления разных политик. Промышленная политика — это одно, торговая политика — другое, аграрная политика — третье. И когда в каждой отрасли формируются свои приоритеты и своя система знаков и стимулов, выйти на общие позиции крайне сложно. И именно это происходило у нас. Кто должен выступать в таком случае регулятором данных отношений? Я не преувеличиваю роль государства, но и преуменьшать ее не надо. В тех случаях, когда между секторами рынка существуют диспропорции, которые убивают часть из них, государство не может не вмешиваться в этот процесс. Другое дело, что оно должно осуществлять это последовательно, не на основе того, что пожар возник — надо его потушить.

Именно поэтому мы начиная с конца 1992 года разрабатывали проект Закона РФ «О государственном регулировании аграрно-промышленного производства». Смысл его не в том, что государство приобретает функции прямого управления сельским хозяйством, а в том, что государство устанавливает четкие нормы и правила, которым надо следовать. Я не должен ходить с протянутой рукой и как милостыню выпрашивать какие-то средства на поддержку того или иного проекта. Должна быть определенная система правил. Пусть эта поддержка не будет велика, но крестьянин должен четко понимать, что в этом году при таких-то обстоятельствах он может рассчитывать на такие-то объемы государственной поддержки, на такие-то материально-технические ресурсы. И суть этого закона заключалась в установлении определенных правил игры.

С этим проектом мы пошли в правительство в конце 1993 года. По регламенту его направили в министерства и ведомства, за месяц они должны были дать свои заключения. Проходит месяц, я звоню Я. М. Уринсону — в то время первому заместителю министра экономики — и спрашиваю: «Вам направлен наш законопроект, время прошло, заключения Вашего министерства нет. Почему?» А он мне отвечает: «Я эту галиматью даже читать не буду. О каком государственном регулировании можно говорить в условиях рыночной экономики?»

Я прихожу к Черномырдину, прошу: «Виктор Степанович, давайте вынесем этот законопроект без заключения Минэкономики на заседание правительства, поставьте мой доклад». Это уже начало 1994 года. Виктор Степанович мне говорит: «Извини, не могу, есть утвержденный регламент правительства, работай с Минэкономики, с Минфином, без их заключения — отрицательного или положительного — я ставить вопрос не буду». Тогда я говорю: «Я устал стоять на коленях с протянутой рукой, я подаю заявление об отставке». Виктор Степанович был немного взрывной, он грозно говорит: «Да что ты меня пугаешь?!» Я говорю: «Я не пугаю, просто не намерен продолжать работать в условиях такого отношения к нуждам села. Вот представьте: утвержден бюджет, в этом бюджете показаны позиции, которые за Минсельхозом. Дайте возможность Минсельхозу распорядиться этими позициями! Растратим-разворуем — посадите, но не заставляйте меня ходить по всем инстанциям по поводу каждого платежа с протянутой рукой и уговаривать чиновников, которые через губу со мной разговаривают. Утвержден бюджет, средства на спецсчетах имеются, министр или уполномоченные лица осуществляют управление этими средствами. И несут при этом всю полноту ответственности! Разве это не нормально?!»

В общем, я сразу после этого разговора написал заявление об отставке и положил его в приемной. В тот же день Виктор Степанович звонит: «Приезжай». Я приехал к нему: «Ты это серьезно? Давай так: после посевной вернемся к этому разговору. Накануне посевной не буду менять министра». Я согласился, забрал

заявление. Провели посевную худо-бедно, средств не хватает, ресурсов мало... Подаю опять заявление в начале июня. Вызывает, смеется: «Ну посеял, так убрать надо. Давай перенесем разговор на осень». Я сказал, что после уборочной мне предстоит плановая операция, я ложусь в больницу и на работу после операции не выхожу. Не вернусь в министерство, пока нашему проекту закона не будет дан ход. На второй день после операции, 4 ноября, я подал заявление, 6 ноября был подписан указ о моей отставке. Так я оставил министерство.

А. М. НИКУЛИН: Это были самые тяжелые времена реформы.

В. Н. ХЛЫСТУН: В период 1992–1994 годов была создана надежная платформа для ее последующей реализации в полном объеме, в основном сформирована новая система аграрных отношений. В последующее время принципиально в ней уже ничего не менялось, лишь приоритеты отдельных позиций. Все ее базовые основы были созданы в 1990-е годы, как бы кто ни критиковал это время.

Недавно на Столыпинских чтениях выступал академик П. А. Чекмарев, бывший директор департамента земледелия и растениеводства Минсельхоза. Он сказал: «Ну что реформа, вон сколько мы потеряли земли — 40 млн га выбыло из оборота, вдвое сократилось поголовье скота». Я ему отвечаю: «Знаете, Александр Александрович Никонов был очень умным человеком. Однажды в дискуссии, когда заговорили о снижении поголовья, он сказал такую фразу: “Вам нужны хвосты или молоко на прилавках?”». В конце 1980-х средний многолетний надой — около 2 тыс. литров на корову при огромной численности молочного стада. Нужно ли такое большое, но низкопродуктивное поголовье? Мы сегодня имеем надой в среднем за 7 тыс. литров. А ведь в СССР директора совхоза лишали партбилета, если он сокращал поголовье. Если пашня сократилась, то это зачастую потому, что низкопродуктивные угодья невыгодно обрабатывать. Должна быть нормальная программа консервации земель. И государство должно не констатировать сокращение пахотных земель, а объективно установить причины и определить меры по их введению в экономический оборот, перевести часть из них в культурные пастбища, часть подвергнуть консервации. У нас северо-западные регионы, где наибольшая площадь заброшенных земель, имеют прекрасные возможности для развития на них пастбищного скотоводства! Давайте создавать культурные пастбища, сенокосопастбищеобороты и развивать производство говядины и молока в этих районах! Не надо опять пытаться выращивать что-то там за счет большого количества удобрений или дорогой мелиорации.

А. М. НИКУЛИН: Давайте вернемся к 1994 году. В начале 1990-х годов на слуху была Нижегородская реформа. Расскажите, пожалуйста, о Вашем участии в этих региональных преобразованиях.

В. Н. ХЛЫСТУН: В течение всей моей работы в министерстве я старался поддерживать хорошие отношения с аграрной наукой.

Ее организация в новых условиях тоже была одной из моих задач. Уже в начале 1992 года мы передали все институты (за исключением контрольных), которые были в ведении минсельхозов СССР и РСФСР, в Российскую академию сельскохозяйственных наук, считая, что все исследования должны координироваться там. В последующем повысили статус президента РАСХН Романенко Геннадия Алексеевича, назначив его одновременно первым заместителем министра сельского хозяйства РФ. Я это сделал, чтобы мы постоянно работали в одном ключе. Не могу понять сегодняшнюю ситуацию, когда ни вице-президент РАН, курирующий аграрную науку, ни академик-секретарь отделения сельскохозяйственных наук не входят в состав коллегии министерства, практически не встречаются с министром сельского хозяйства; когда ни министр, ни его заместители не участвуют в годичных собраниях отделения, а в лучшем случае только присылают формальные приветствия. Не для саморекламы скажу: не было ни одного собрания РАСХН, чтобы Хлыстун не был на нем от звонка до звонка. Ведь это же великодушная возможность понять, что происходит в науке, выразить свое видение актуальных проблем отрасли, обозначить желательные для министерства направления исследований...

Итак, мы постоянно выстраивали заинтересованные взаимоотношения с наукой. У нас было ничтожно мало средств для ее финансирования, но мы пытались использовать другие стимулы — моральные, психологические... Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику, поэтому по всем позициям мы всегда работали вместе.

Теперь о Нижегородском эксперименте. Я его всемерно поддерживал, более того, уговорил Черномырдина поехать на первый аукцион в Нижний Новгород, и после этого издать постановление Правительства РФ, в котором в рекомендательной форме было предложено использовать этот опыт. Мы не считали этот вариант единственно возможным, но относили его к числу наиболее перспективных.

На первом этапе он был очень эффективен. Реформированные хозяйства в течение нескольких лет показывали прекрасные результаты. Но потом он как-то стух, потому что не нашел продолжения: уехал из области Немцов, сменилось руководство АПК, интерес к эксперименту постепенно угасал по мере завершения процессов приватизации. К сожалению, и реформированные по этому варианту хозяйства перестали выделяться среди других, не демонстрируя выдающихся успехов. Поэтому считать абсолютно успешным этот эксперимент я не могу, но полагаю, что он сыграл свою очень положительную роль, продемонстрировав реальный, конкретный, возможный механизм преобразований. Нижегородский эксперимент хорош именно тем, что это была открытость, публичность, возможность принимать в нем участие широкому кругу лиц — чего нам всегда не хватало в проведении каких-то преобразований, особен-

но когда речь шла о разделе имущества. Считаю этот опыт абсолютно позитивным.

Были и другие интересные варианты во многих регионах, например, в Дагестане система хозяйств, которые имели в своей основе семейное производство и необходимый уровень кооперации: по сути, колхоз остался, но все передано на семейный подряд. Это иной подход, существенно отличающийся от семейного подряда конца 1980-х годов. Его разработал и реализовал председатель колхоза «Шухты» Магомед Абакарович Чертаев.

А. М. НИКУЛИН: Да, мне удалось побывать в командировке в его удивительном хозяйстве в апреле 1991 года.

В. Н. ХЛЫСТУН: В Орловской области получили развитие командитные товарищества, тоже один из вариантов. Тогда было время большого числа региональных экспериментов, которые мы старались поддерживать.

Кроме создания системы льготного кредитования в 1992–1994 годах нужно было сформировать возможности для технологического прогресса, поэтому в 1993 году министерство начало подготовку проекта Всемирного банка под условным названием «АГРИС». Суть заключалась в том, чтобы решить несколько задач: развитие системы аграрного консалтинга, создание центров производства высококачественных семян (строительство калибровочных заводов), развитие инфраструктуры агропродовольственного рынка.

Это была очень важная инициатива, потому что начиная с 1992 года мы стали активно привлекать иностранные инвестиции: в Ставрополе и Татарстане — новые технологии возделывания кукурузы и свеклы с участием французских компаний, создание предприятий по производству упаковки и переработке продуктов с участием Нидерландов, строительство современного мясного завода «Кампомос» в Москве и оптового рынка в Волгограде с участием испанцев, производство оборудования для капельного орошения в Дагестане с участием Израиля и др. Было реализовано несколько десятков успешных проектов, ставших базой для распространения нового технологического уклада. Тысячи фермеров прошли стажировку в зарубежных странах. Вообще развитие международных контактов составляло одно из важнейших направлений деятельности министерства в это время. И мы пробивались на рынки инвестиций, технологий.

Вот в Германии каждый январь проводилась всемирная выставка «Зеленая неделя». Первый раз мы оказались на ней в 1992-м с маленьким киоском, где была водка, икра и гжель. Во время этого первого нашего участия гвоздем программы был форум «Восток-Запад», причем Восток представляла Россия, и в качестве основного на нем был мой доклад. С этого форума наша команда привезла девять соглашений о сотрудничестве с крупнейшими аграрными компаниями Европы, которые потом были реализованы в десятках совместных проектов. Когда я уходил из министерства в 1998 году,

Россия на «Зеленой неделе» была представлена уже огромным павильоном с самыми разными экспонатами. Причем организовывал нашу экспозицию всегда АККОР. К сожалению, потом это передала какой-то организации чисто на коммерческих началах, фермеров туда уже не особенно пускают. Но начиналось наше участие в выставке представлением там в основном малого агробизнеса, и это неплохо получалось.

Во многих регионах страны создавались фермерские хозяйства с участием фермеров из разных стран. Условия такого сотрудничества были различными, но чаще всего это проекты, в которых зарубежные партнеры присутствовали на паритетных началах в создании семейных ферм и в организации их деятельности в период до безубыточности. Затем они уезжали, а российские фермеры продолжали производство и постепенно возвращали вложенные партнерами средства.

Вспоминаю, как в Дмитровском районе Московской области в 1993 году создавалась шведская ферма. Фермер из этой страны пять лет должен был работать с российским фермером, через пять лет он уезжает и все оставляет российскому фермеру. На открытии этой фермы, после разрезания ленточки, в поле был небольшой фуршет, в котором участвовали и несколько корреспондентов. На следующее утро в газете «Московский комсомолец» на первой странице огромная фотография: стоит министр с бутербродом у рта, и статья с названием «Отсель кормить нас будут шведы». Ну молодцы... Схватили запоминающийся момент.

Возвращаясь к теме «АГРИСа», должен отметить, что Всемирный банк — это страшная бюрократия. Мы начали готовить этот проект в 1993-м, а закончили в 1996-м, когда я второй раз пришел в министерство. Больше двух лет шли его подготовка, рассмотрение и утверждение. В министерстве банк представляли почему-то индусы, которые иногда своей скрупулезностью и въедливостью меня раздражали. По сто раз на наших встречах задавали одни и те же вопросы. Все было очень медленно, но проект все-таки был утвержден и сыграл свою определенную роль.

А. М. НИКУЛИН: А каковы были цель и задачи этого проекта?

В. Н. ХЛЫСТУН: Поддержка аграрной реформы в России.

А. М. НИКУЛИН: Это в его рамках создавались консультационные центры?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, три позиции проекта: консультационные центры, центры производства высококачественных семян и оптовые рынки. В четырех регионах создали оптовые рынки, в 11 — консультационные центры и в 4 — калибровочные заводы.

А. М. НИКУЛИН: Чем Вы занимались после ухода из министерства в 1994 году?

В. Н. ХЛЫСТУН: Сначала я намеревался вернуться в институт, но председатель правления Агропромбанка Ю. В. Трушин пригласил на работу в банк, и я согласился. Согласился потому, что

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

главная для АПК проблема на тот момент — недостаток ресурсов, прежде всего кредитных, и мое участие в ее решении могло быть полезным. Я пришел на должность заместителя председателя правления, а вскоре был переведен на позицию первого заместителя и более года работал в этом качестве. За этот период мы вдвое увеличили число филиалов Агропромбанка, открыли их практически во всех субъектах РФ, почти вдвое увеличили объем кредитования села, но этого все равно было недостаточно. В условиях общей нехватки ресурсов выйти на нужные показатели было крайне сложно. И то, что нам в какой-то степени удалось решить эту задачу, я считаю неплохим результатом деятельности банка. Мне очень нравилась моя работа, но проходит полтора года — звонок от Черномырдина. «Можешь завтра приехать?» — «Могу». Приехал. Он говорит: «Виктор, мы к тебе по-человечески отнеслись, дали возможность восстановиться, отдохнуть. Надо возвращаться». Я сказал, что занимаюсь полезным делом и меня вполне устраивает нынешнее положение, попросил оставить меня в банке. Он говорит: «Я бы тебя, может, и оставил, но это не мое решение. Завтра в 11 приезжай, едем к президенту». Поехали на следующий день. Ельцин улыбается, выходит из-за стола: «Помните, как я назначал Вас в 91-м?» — «Помню». — «Читайте!» И дает мне уже подписанный Указ.

На следующий день, 15 мая 1996 года, в Колонном зале Дома Союзов проходит съезд Агропромсоюза. Полный зал делегатов, мы приезжаем с Черномырдиным, он приветствует Съезд и говорит: «Хочу представить вам нового министра». И зачитывает Указ президента. Для меня совершенно неожиданно было то, что весь зал, люди, которые меня прежде сильно критиковали, вдруг встают и громко аплодируют. Я потом у М. Лапшина, руководителя Аграрной партии, спросил: «Объясни, вы же меня всегда ругали, как понять эту реакцию?» Знаете, что он мне сказал? «Ты не врал и не заигрывал с нами, никогда не заискивал, имел свою позицию и жестко ее отстаивал, поэтому, когда стало известно, что ты возвращаешься, все сказали, что это хорошо».

А. М. НИКУЛИН: Это в политике большая редкость.

В. Н. ХЛЫСТУН: Знаете, после моей отставки в прессе прошла информация, что ее причиной стали требования аграрного лобби в парламенте, — это абсолютная чушь. У меня было немало разногласий с депутатами, зачастую они меня критиковали за реформаторские позиции, но требований о моей отставке никогда не выдвигали. Мы достаточно плотно сотрудничали, я поддерживал Аграрную партию на выборах (хотя получил за это немало упреков в администрации президента), это помогло ей пройти в Госдуму, признаюсь, я часто использовал их протесты при отстаивании интересов АПК.

А. М. НИКУЛИН: Вновь Вы были назначены перед президентскими выборами?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, незадолго до них. Пришлось, когда я вернулся, немного переформировать команду, сделать некоторую чистку. В основном это было связано с ликвидацией Продовольственной корпорации, которая в 1995 году очень сильно запятнала себя.

А. М. НИКУЛИН: А что она из себя представляла?

В. Н. ХЛЫСТУН: Перед моим уходом из правительства мы глубоко задумывались об инструментах регулирования рынков отдельных продуктов, изучали, что делают по этому поводу в разных странах. Во время поездки в Польшу я ознакомился с работой Агентства по регулированию продовольственного рынка, основная задача которого заключалась в проведении интервенций на товарных рынках. Они оттягивали с рынка избытки продукции для поддержания цены и вбрасывали их на рынок, когда возникал повышенный спрос. Это обеспечивало поддержку цен и стабилизировало рынок. С учетом их опыта я предложил создание при министерстве подобной структуры и поручил готовить программу Л. И. Холоду — в то время руководителю департамента экономики. При этом я имел в виду, что он возглавит будущее агентство, которому придавал очень большое значение. Речь шла прежде всего о рынках зерна, растительного масла и других продуктов длительного хранения, которыми можно было бы оперировать в долгосрочном плане. К сожалению, до своего ухода я не успел его создать.

Мой преемник А. Назарчук взял эту идею на вооружение, но существенно ее изменил. К интервенциям решили добавить обычную куплю-продажу сельхозпродукции, что абсолютно исказило назначение этой структуры. Назвали ее «Продовольственной корпорацией» и назначили руководителем не очень чистоплотного человека (не стану называть его фамилию, поскольку его уже давно нет в живых). Эта структура стала просто торговцем на рынке, но имела министерскую «крышу». Сегодня купили подешевле, завтра продали дороже. Они оперировали огромными средствами и ресурсами, не осуществляя при этом регулирующего воздействия на рынки. Да еще и проворовались. Не хочу обвинять Назарчука, он был вне этой системы, но должен был их контролировать и не допускать жульничества. Поэтому первое, что я сделал, когда вернулся, это ликвидировал Продовольственную корпорацию, уволил ее руководителей и способствовал проводимому прокуратурой расследованию ее деятельности. Тянулось оно долго, а со смертью бывшего руководителя корпорации его прекратили.

Закон, из-за которого я ушел в отставку, все-таки был принят, но в процессе рассмотрения и принятия был выхолощен настолько, что какого-либо позитивного влияния не оказал. Многие важные позиции оттуда изъяли. Но я был рад и такому, хотя бы потому, что государство признало сам факт необходимости государственного регулирования агропромышленного производства.

Сразу после выборов президента появилась новая беда. Систему кредитования, которую мы с таким трудом создавали, — Агропром-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

банк с его филиальной сетью отдадут банкиру А. Смоленскому якобы для дальнейшего развития, а на самом деле в порядке расчета за участие в финансировании компании по выборам президента. Это была частно-государственная структура, ее акции принадлежали частично государству, частично региональным филиалам банка и их сотрудникам. Я этому жестко воспротивился, но бывший в то время первым замом председателя правительства Владимир Потанин вместе с министром экономики Яковом Уринсоном продавили это решение. Единственное, что мне удалось сделать — в соглашении по передаче банка прописали позицию, что не менее 75% его кредитного портфеля должно направляться в аграрный сектор. Но банк «ушел» из-под прямого влияния министерства, мы утратили кредитную организацию, которая была мощным механизмом воздействия и влияния на развитие сельского хозяйства. Естественно, там сократили объемы кредитования села, торговлю гораздо выгоднее кредитовать...

Встал вопрос о новой концепции кредитования АПК, мы предложили создать специальный Фонд льготного кредитования, при этом его средствами не будет распоряжаться ни один из банков. Это государственный фонд, из которого предлагалось предоставлять банкам, прошедшим конкурсный отбор, ресурсы для кредитования села по льготным ставкам на один год, с их возвратом в Фонд и запуском на новый цикл. Ресурсы беспроцентные, но при условии, что в полном объеме они будут задействованы на кредитование АПК. Предложение министерства было принято и с начала 1997 года он заработал и играл главенствующую роль в поддержке сельского хозяйства до дефолта 1998 года. 1997 год по погодным условиям был очень тяжелый, засуха поразила два десятка сельскохозяйственных регионов, и все-таки он стал первым годом, когда АПК (единственный из всех секторов экономики) показал прирост в суммарном объеме производства по сравнению с годом предыдущим. Именно с этого года начался очень медленный подъем, тренд которого продолжился в последующие периоды и резко ускорился с началом реализации национального проекта «Развитие АПК».

В начале 1998 года по ряду причин ушел в отставку заместитель председателя правительства, курирующий сельское хозяйство, Александр Харлампиевич Заверюха. Должен сказать, что он был моим непосредственным руководителем начиная с 1993 года, и мы с ним отлично сотрудничали. Он полностью доверял мне разработку стратегических позиций и активно включался в их реализацию, поддерживая меня практически во всем. У него были прекрасные отношения с Черномырдиным, сложившиеся еще со времен их работы в Оренбурге, и я часто просил его этим воспользоваться при решении различных проблем. Думаю, что инициатива моего возврата в министерство принадлежала именно ему. Я был очень огорчен его уходом. Около двух месяцев эта должность была свободной, а в апреле президент и председатель правительства предложили занять ее мне с сохранением должности министра. Я получил статус

заместителя Председателя Правительства РФ — министра сельского хозяйства. Работы, конечно, сильно прибавилось, поскольку под мое руководство кроме Минсельхоза передали еще пять министерств и ведомств. Тяжелее стало и моим заместителям в министерстве, особенно первому — В. Н. Щербаку.

В новом качестве мне пришлось возглавить и Фонд льготного кредитования, обеспечить его успешное функционирование на основе жестко контролируемого оборота ресурсов и своевременного возврата кредитов. В совет Фонда вошли заместители министров экономики и финансов, представители администрации Президента и правоохранительных органов и других правительственных структур. На еженедельные заседания Совета с отчетами о движении средств приглашались руководители шести банков, которые прошли конкурс и стали операторами средств Фонда. Иногда приходилось устраивать им настоящую головомойку за сбой в возврате средств и запуске новых кредитов. Несмотря на все трудности, Фонд достаточно успешно реализовал свою миссию.

В начале 1998 года мы приступили к созданию еще одной важной финансовой структуры — Фонда поддержки кредитной кооперации, которая была очень нужна для развития фермерства. Главной проблемой здесь было, конечно, отсутствие необходимых для его функционирования средств. В то время у нас неплохо складывались отношения с родственными министерствами ряда европейских стран и США и возникла идея привлечь к участию в этом проекте наших зарубежных коллег. Представилась хорошая возможность поднять эту тему в ходе очередного заседания Российско-Американской межправительственной комиссии Гор-Черномырдин, членом которой я был. Предварительно мы обсуждали эту тему с моим американским коллегой и на заседании было принято решение — предоставить России определенный объем зерна с направлением средств от его реализации в Фонд поддержки кредитной кооперации. Для управления Фондом создать наблюдательный совет с включением в его состав представителей Минсельхоза США. Создание Фонда завершилось уже после моей отставки, но я входил в состав этого совета до 2009 года. Фонд, несомненно, сыграл существенную роль в развитии межфермерской кооперации, но постепенно его средства иссякли, и он в конце 2000-х годов утратил свое значение.

В 1997–1998 годах одной из основных сфер моего внимания было внедрение новых технологий агропромышленного производства на основе привлечения международных инвестиций, которые в условиях наших весьма ограниченных финансовых возможностей были крайне важны. Это было время моих многочисленных встреч с коллегами и потенциальными инвесторами, поездок в другие страны, приезда моих коллег в Россию. В 1997 году минимум 10 министров сельского хозяйства побывали в России. Итогами наших контактов, как правило, были решения о разработке и реализации различных проектов. Производство кормозаготовительных комплек-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

сов в Перми, почвообрабатывающей техники в Татарстане, строительство современных мельниц в Оренбурге, поставки на выгодных условиях племенного скота и семян высокоурожайных культур, создание самых современных предприятий по переработке сельхозпродукции и другие. Реализовывались десятки проектов, но для огромной нашей страны это крайне мало, хотя роль этих проектов как примеров модернизации производства была весьма велика.

Самый крупный международный проект — «Орел — пшеница 2000», начатый в 1997 году и завершившийся уже после моего ухода. Это был комплексный проект развития зернового хозяйства области, который за короткое время вывел Орловскую область в число самых успешных в АПК страны. К сожалению, после ухода Егора Строева этот проект растащили по частям. Он зародился на «Зеленой неделе» в Германии, нашим партнером выступила компания «Мерседес-Бенц». Суть проекта заключалась в том, что в области создавались самые современные мельницы и комбикормовые заводы, поставлялась современная сельскохозяйственная техника, создавались центры ее обслуживания. Все компоненты проекта работали на конечные продукты производства и глубокой переработки зерна.

Достаточно серьезной была проблема подготовки кадров. Резкое снижение объемов финансирования поставило вузы и техникумы на грань выживания. Я старался по возможности «поднять» хотя бы те аграрные вузы, которые могли стать центрами демонстрации возможностей развития аграрного образования, — Тимирязевка, Кубанский, Белгородский, Орловский, Ставропольский и некоторые другие агроуниверситеты получили неплохое развитие, а остальные удалось удержать от полного разрушения. Ни один вуз в 1990-е годы не прекратил свое существование. Наибольший вклад в поддержание жизнеспособности вузов и техникумов тогда внес руководитель департамента образования Ю. Ф. Лачуга, сейчас он академик-секретарь отделения сельскохозяйственных наук РАН.

22 марта 1998 года — абсолютно неожиданное решение президента об отставке правительства Черномырдина. Передо мной встал вопрос: надо ли входить в состав правительства С. В. Кириенко? После некоторых раздумий принял решение, что лучше отказаться. При этом дурацкая была ситуация: вот приду я к Кириенко, который был и.о. премьера, и скажу: не включайте меня в проектированный состав правительства, а он ответит, что и не собирался этого делать. Мучился, не знал, как заявить. При этом боялся, что опоздаю, объявят новый состав без каких-либо предварительных бесед, как уже было при прежних изменениях состава правительства (меня дважды переназначали без получения моего согласия). И вдруг подворачивается случай — в качестве зампреда правительства мне пришлось встречать во Внуково-2 главу одного из африканских государств и сопровождать его на всех мероприятиях визита. На встрече у Ельцина гость поставил три вопроса: поддержка на международной арене, военно-техническое сотрудничество и сотрудничество в области

рыболовства. Ельцин говорит, что по международному сотрудничеству нужно поработать с Примаковым, он остается в новом составе правительства в качестве министра иностранных дел, по поводу военно-технического сотрудничества — с маршалом Сергеевым, он также будет в составе правительства, и по вопросам рыболовства — с присутствующим здесь Хлыстуном, который тоже продолжит работу в правительстве.

Вернувшись в Белый дом, сразу же попросился на прием к Кириенко и сказал, что была озвучена такая информация, но я очень прошу не включать меня в состав правительства. Он удивился: почему? Я назвал три причины: психологическая усталость (я на самом деле был совершенно измотан), принципиально не согласен с тем, что ликвидируется должность зампреда правительства по вопросам сельского хозяйства, оставлена только должность министра (это резко снижало возможности управления отраслью), и в новой структуре Минсельхоз в качестве вице-премьера будет курировать Уринсон, с которым у меня были сплошные разногласия и психологическая несовместимость.

Кириенко сказал, что должен обговорить этот вопрос с президентом. На следующий день он попросил меня зайти и сказал: «Я не видел президента столь разгневанным, как в этот раз. Но он сказал: «Держать не буду, хочет уходить — пусть уходит». Далее Кириенко спросил: «Кого Вы порекомендуете вместо себя?» Я назвал три фамилии, он попросил организовать совещание в Минсельхозе с его участием, на котором эти трое должны выступить. Совещание прошло, из трех человек, которых я предлагал, он выбрал В. А. Семенова. Через месяц моя работа в правительстве была завершена, встал вопрос: чем заниматься? Евгений Максимович Примаков предложил мне на выбор три страны, в которые я мог быть направлен в качестве посла, но я, подумав, отказался. Кириенко предложил побыть какое-то время в резерве правительства или направить ректором в один из вузов — я тоже отказался, сказав, что сам найду себе применение.

Для меня всегда было важным не приходиться на должность, с которой кого-то надо изгонять. Решил создать новый исследовательский центр — Институт конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР). Институт был создан, и стал первым аналитическим центром, в котором достаточно предметно и глубоко анализировалась аграрная конъюнктура. На этапе создания и начала работы было интересно, но через некоторое время стало скучно — кабинетная работа не для меня. Решил оставить институт, передал его Д. Рыхлю, который и сейчас им успешно руководит. Сам же решил создать Центр международных инвестиций в АПК, целью которого должно было стать формирование условий для значительного роста инвестиций в аграрную сферу.

Это было некоммерческое партнерство, участниками которого стали Министерство сельского хозяйства РФ и пять крупных

коммерческих банков. Задача центра — разработать отраслевую программу привлечения иностранных инвестиций, обеспечить механизмы предоставления необходимых условий и гарантий и создавать возможности для реализации крупных международных проектов в сфере АПК. Мы за короткое время разработали программу, представили ее в Минсельхоз, министр А. В. Гордеев ее одобрил, а в Минэкономике ее зарубили без каких-либо серьезных аргументов. Главное объяснение было: «Вы будете в качестве гарантий отвлекать определенные государственные ресурсы». Имелось в виду, что под проекты этой программы не выделяются прямые вложения, а предоставляются гарантии государства. Это совершенно нормальный инструмент, который не требует серьезных вложений, но очень жесткого государственного контроля за реализацией проектов со стороны гаранта. В общем, чиновников мне не удалось убедить. Но тем не менее за время работы Центра удалось сделать достаточно много и в плане законодательном, и в плане поддержки серьезных проектов, таких как создание на территории России предприятий по производству сельскохозяйственной техники с привлечением немецких и голландских инвестиций.

В рамках законотворческой деятельности Центром был подготовлен по заказу Минимущества проект закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и более 10 проектов законодательных актов для субъектов РФ. Должен сказать, что когда этот федеральный закон был принят Государственной Думой, то журналисты у меня спросили: «Как разработчик Вы готовы поставить свою подпись под этим законом?», я ответил: «Не только не поставлю свою подпись, но публично заявляю о том, что буду подвергать этот закон самой жесткой критике» — от первоначального варианта, который мы внесли в Минимущество, на выходе остались рожки да ножки. Исключены были важнейшие позиции, например, ограничение размеров латифундий. Был прописан четкий механизм — и экономического воздействия, и административного, и ограничений. В нашем проекте были определены подходы к организации использования не востребуемых земельных долей, в законе их не стало, исчез ряд и других важных позиций. В общем, на выходе закон оказался плохим, и последующая практика его применения весьма наглядно это подтверждает.

Осенью 2002 года мы инициировали разработку федерального закона о развитии сельского хозяйства. Идею горячо поддержал министр Гордеев. Мы глубоко изучили европейское и американское аграрные законодательства и предложили свое видение российского закона, Гордеев добился поддержки правительства и была создана межведомственная рабочая группа по подготовке законопроекта, в которую вошли представители Минэкономки, Минсельхоза, Минфина и большая группа ученых-аграрников. Меня назначили руководителем этой группы, а от Минэкономки ее курировала тогда руководитель Центра стратегических разработок Э. Набиуллина.

Началу подготовки проекта закона предшествовали очень острые дискуссии, организованные сотрудниками аппарата правительства. От аграрников на участие в ней Гордеев делегировал меня и И. Г. Ушачева. Ключевой вопрос: какая отрасль сельского хозяйства должна стать базой для его ускоренного развития? Правительственная команда утверждала: «Зерно. Основное внимание государства должно быть направлено на увеличение производства зерна». Я был категорическим противником, моя позиция была — животноводство. Зерновое хозяйство — сезонная отрасль, в ней задействовано ограниченное число людей, она не обеспечит ритмичное, в течение года, поступление хозяйствам средств. Она не решит проблему занятости сельского населения и негативно повлияет на структуру посевных площадей, монокультура ликвидирует севообороты, в результате произойдет истощение почвы, ухудшение ее состояния.

А. М. НИКУЛИН: А нельзя было контролировать ситуацию государственными регулирующими мерами?

В. Н. ХЛЫСТУН: Думаю, что нет. Мои взгляды полностью разделял академик Ушачев, и мы вместе убедили Гордеева поддерживать нашу позицию в пользу животноводства, развитие которого даст возможность роста и отраслям растениеводства, увеличив спрос на его продукцию.

А. М. НИКУЛИН: Животноводство ведь интегрирует и земледелие вокруг себя?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, животноводство обеспечит постоянную занятость населения. Через животноводство приходит научно-технический прогресс, это принципиально новые технологии, которые влекут за собой совершенно иные подходы. Но главное — это ритмичность его циклов и обеспечение занятости. Спор был жесткий. Аркадий Злочевский — президент Зернового союза тоже был активным участником этой дискуссии и выступал на стороне чиновников правительства, с ним у меня были споры иногда на повышенных тонах. Эту полемику мы выиграли и разрабатываемый законопроект базировался на основе нашей позиции, которая в последующем стала исходной и при разработке Национального проекта «Развитие АПК». Гордееву удалось отстоять в правительстве эту точку зрения — Закон о сельском хозяйстве был подготовлен, его завизировала в том числе и Набиуллина.

В начале 2003 года проект закона «О развитии сельского хозяйства» был подготовлен и одобрен Минсельхозом. По предложению Гордеева для обсуждения проекта в Минэкономике Г. О. Греф — в то время министр экономики назначает совещание на ближайшую субботу в 10 часов. Мы с Гордеевым и Ушачевым приезжаем в установленное время — Грефа в министерстве нет. Ждем до 12 часов, его все нет, и никаких сообщений от него тоже нет. Собираемся уезжать, и тут в ковбойке и джинсах появляется Греф. Даже не извинившись перед своим коллегой-министром, с лету говорит: «Вы что, хотите, чтобы я подписал закон, который ликвидирует ры-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

ночную экономику?» Я говорю: «Есть опыт самых рыночных стран, где действуют подобные законы, в США на каждые пять лет принимается закон о развитии сельского хозяйства, который устанавливает определенные параметры, обязанности государства и так далее». Греф прерывает: «Я американцев не люблю, что Вы ко мне с их опытом, мы создаем свой рынок! Я никогда не подпишу этот закон! Эльвира, а ты зачем свою подпись поставила?» Набиуллина тоже была, ждала вместе с нами. Она говорит: «Я считаю, что для первой редакции, для обсуждения в правительстве он нормальный». «Не нормальный, даже обсуждать не буду!» И разговор закончен.

После этого начались консультации, в ходе которых приняли решение этот закон сделать очень коротким, а на основе разработанного проекта подготовить среднесрочную программу развития сельского хозяйства. Когда стали писать программу, президент дал поручение правительству подготовить несколько национальных проектов для решения наиболее актуальных для страны проблем. Гордеев приложил максимум усилий к тому, чтобы в их перечень включили проект «Развитие АПК» (вечная благодарность ему за это). Нужно было принять концепцию проекта и в результате нескольких совещаний в Минсельхозе, в которых я принимал деятельное участие, решили, что он должен включить в себя четыре основных тезиса: развитие животноводства (строительство современных животноводческих комплексов), развитие малого агробизнеса (поддержка КФХ и ЛПХ), развитие потребительской кооперации, создание системы земельной ипотеки. Основными инструментами реализации проекта избрали льготное кредитование и лизинг с участием государства.

Осенью 2004 года я перешел на работу в качестве заместителя председателя правления в воссозданный Россельхозбанк, которому предстояло стать основным центром реализации национального проекта. На меня была возложена организация деятельности банка по реализации нацпроекта: разработка программы, формирование системы кредитования, разработка методологии и методики земельной ипотеки, технологии кредитования личных подсобных хозяйств и поддержки развития кредитной кооперации. Это была очень большая и интересная работа. Одновременно мы расширяли филиальную сеть банка и к концу 2007 года филиалы были открыты в 84 субъектах РФ. За три года Россельхозбанк поднялся в банковской иерархии с 47-го на 4-е место в стране. В общем объеме кредитования села в рамках нацпроекта его доля составила более 70%. В 2007 году нацпроект заканчивается, мне исполнилось 60 лет, и я решил, что пора возвращаться в альма-матер, о чем все время мечтал.

А. М. НИКУЛИН: Но ведь ограничений по возрасту не было?

В. Н. ХЛЫСТУН: Не было, но я всегда считал, что надо уходить вовремя. Я подготовил хорошую замену. Банковский сектор развивался столь стремительно, что, откровенно говоря, в своем возрасте я уже не успевал адаптироваться к постоянно меняю-

щимся технологиям, тем более что не имел соответствующего образования. Я был полезен как организатор системы и ее включения в процесс развития АПК, но с переходом к деятельности банка в обычном режиме я уже не мог быть столь хорош. Подготовил себе очень неплохую замену, поэтому мой уход не был для банка болезненным. Решил, что на финише надо вернуться к тому, с чего начинал и что мне очень нравится. К тому, что я умею и могу делать достаточно профессионально и где мой опыт будет, несомненно, полезен — это преподавание и научные исследования.

Вернулся в родной университет и крайне этим доволен, занимаюсь тем, что мне действительно интересно. Полагаю, что вполне востребован как профессионал, вхожу в различные консультативные и экспертные советы (Минсельхоза, Госдумы, Совфеда), стараюсь через них реализовывать свои позиции в сфере земельной политики и управления земельными ресурсами, вхожу в два диссертационных совета, в редакционные советы четырех журналов, являюсь почетным президентом Международного клуба агробизнеса, участвую в подготовке законопроектов и различных программ, за последние три года опубликовал более 40 научных работ...

Много пишу о современной земельной политике. С болью говорю, что мы разрушили систему управления земельными ресурсами. Есть отдельные фрагменты, но не система. Нет целеполагания, нет таких важных блоков, как прогнозирование, мониторинг и другие. Нет ответов на множество ключевых вопросов, например, о перспективах развития форм собственности на землю. Мы консервируем нынешнее соотношение государственной и частной, продолжаем ее приватизацию или ориентируемся на ее национализацию. Нет четкой позиции в отношении форм хозяйствования на земле. Мы вроде бы говорим о равенстве всех форм, но в реальной практике это далеко не так — значит, должны быть не просто устные декларации, а четко определенные официальные государственные документы. Нет ясного ответа на вопрос о роли государства в управлении земельными ресурсами. Идет процесс разрушения почв — водная эрозия, ветровая, различные другие виды их деградации, но не понятно, кто должен остановить эти процессы и какова в этом роль государства.

Все эти открытые вопросы побудили меня подготовить проект документа высокого уровня — «Доктрина земельной политики Российской Федерации». Он должен четко определить все основные позиции государства по перспективам развития земельных отношений и организации использования, охраны и воспроизводства главного национального богатства страны — ее земельных ресурсов. Проект обсудили в профессиональном сообществе экономистов и землеустроителей, с незначительными замечаниями и предложениями этот документ поддержан. Я опубликовал его основные положения в двух журналах, в середине прошедшего года передал в правительство, но реакции на сегодняшний день нет. Счи-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

таю, что такой документ, как и «Доктрина продовольственной безопасности», крайне необходим и важен, он должен быть подписан президентом страны и положен в основу развития земельного законодательства и практики управления земельными ресурсами. Ознакомиться с проектом можно в № 3 журнала «Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий» за 2021 год.

А. М. НИКУЛИН: Это журнальный вариант?

В. Н. ХЛЫСТУН: Это статья, но в ней представлено основное содержание проекта доктрины. Могу переслать сам проект в том виде, как я его передал вице-премьеру А. Л. Аверчуку, тогда он курировал вопросы земельной политики, с ним была предварительная договоренность. Но потом произошла смена полномочий и теперь эту сферу курирует М. Ш. Хуснуллин, на контакты с ним я пока выйти не смог.

А. М. НИКУЛИН: Вы говорите, что всегда с уважением относились к науке, хотя сельскохозяйственная наука сегодня находится в большом загоде, и это большая проблема.

В. Н. ХЛЫСТУН: И не только сельскохозяйственная.

А. М. НИКУЛИН: Это правда. Когда Вы стали академиком?

В. Н. ХЛЫСТУН: Членкором еще ВАСХНИЛ я стал в возрасте 44 лет в 1991 году. Это была инициатива Александра Александровича Никонова. Когда мы работали в составе Комиссии по подготовке основ земельного законодательства, он однажды сказал: «Как-то удивительно, что у нас в академии нет ни одного землеустроителя. Был Сергей Александрович Удачин, но он умер лет 20 назад. Это положение надо исправить». И уже на ближайших выборах он выдвинул мою кандидатуру, я был избран академиком РАСХН в 1997 году.

А. М. НИКУЛИН: Вы говорили, что в СМИ писали, что якобы аграрное лобби было Вами недовольно, но в реальности получается, что больше Вами было недовольно либеральное лобби. Фамилии, которые упоминались — Гайдар, Уринсон, Греф — это яркие представители либерального направления в нашей экономике и идеологии. Получается, что именно здесь и проходили линии конфликтов.

В. Н. ХЛЫСТУН: Я бы не назвал это конфликтами, это скорее жесткая дискуссия. Разумеется, мои принципиальные взгляды на экономику значительно отличаются от декларируемых ими, при том что хотя я принимаю очень многие либеральные ценности, но отношу себя в большей степени к государственникам. При этом четко декларирую, что государства в экономике должно быть столько, сколько в нем существует необходимость. Это главная моя позиция. Идея, насаждаемая в течение 1990-х годов, что рынок вообще исключает возможность влияния государства, потому что сам все регулирует, — на мой взгляд, не просто ошибочна, она крайне вредна, она уже привела к разрушению экономической инфраструктуры страны и к несправедливой дифференциации экономического состояния различных социальных групп. Это произошло именно потому, что государство отказалось регулировать отношения в сферах соб-

ственности, производства и потребления. При этом я противник государственного капитализма, потому что он убивает конкуренцию, без которой наступает стагнация. На мой взгляд, чрезмерное развитие различных государственных компаний разрушает многообразие форм собственности и типов хозяйствования, это ошибка. Государство должно существенно присутствовать и контролировать целый ряд отраслей экономики (оборонная промышленность, в значительной мере медицинская промышленность, транспорт), но все, что связано с производством товаров народного потребления, в том числе продовольствия, должно функционировать в конкурентной среде.

А. М. НИКУЛИН: Но можем ли мы считать, что наши агрохолдинговые структуры, которые сейчас играют первую скрипку, в определенной степени порождение государственного капитализма?

В. Н. ХЛЫСТУН: Формально — нет, но по сути — да. Государственный капитализм проявляется не только через долю в собственности, но и через инструменты жесткого влияния на бизнес. И если распределение господдержки идет в основном в адрес сверхкрупных компаний, по сути латифундий, то это естественно снижает конкурентные возможности для всех других. Здесь явно проявляется негативное влияние государства. Ведь чем вредны латифундии? Недаром Плиний говорил, что латифундии погубили Рим.

А. М. НИКУЛИН: И добавлял: «...погубили, кажется, уже и Италию».

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, притом что 50 югеров земли (примерно 12,5 гектара) в Древнем Риме уже считалось латифундией. А в чем было их негативное влияние? В том, что в результате развития латифундий с земли сгоняли свободных крестьян. Ликвидировалась свободная прослойка крестьян, достаточно самостоятельных и предприимчивых, взамен росло число рабов. Это нельзя проецировать на современность, но, по сути, события в станице Кущевская на Кубани — это последствия той же ситуации. Это микропроявление латифундизма, но оно может стать всеобъемлющим.

Когда мы вспоминаем «Мираторг», который «съедает» в Брянской области около 70% всей господдержки, то, естественно, это не говорит о равенстве возможностей. Хотя эта компания делает и очень позитивные вещи. Например, меня очень обнадежила информация, что они выстраивают в ряде регионов отношения с семейными фермерскими хозяйствами по поводу откорма крупного рогатого скота. Они делают стартапы, по которым предлагают в аренду землю, молодняк на откорм, потом забирают его на промышленный докорм. Это неплохая форма, нормальная кооперация, если только это не влечет за собой полную зависимость фермеров от компании и вытеснение с рынка малого и среднего бизнеса. Но это, пожалуй, единственный позитивный пример, а в остальном то, что происходит — сверхконцентрация земли у «Степи», «Агрокомплекса» и ряда других компаний, беззастенчивое ее изъятие у малого и среднего бизнеса, развитие локальных монополий, крайне опасно. Опасность

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

этого явления и в том, что латифундисты всеми средствами продвигают своих представителей в структуры власти, где те принимают необходимые им решения в ущерб интересам других сельхозпроизводителей, да и всего населения. А это уже политическая проблема.

А. М. НИКУЛИН: А что Вы можете сказать в целом не только об экономическом, но и социальном развитии России?

В. Н. ХЛЫСТУН: Перед Новым годом было очередное заседание Агробизнесклуба, посвященное его двадцатилетнему юбилею. Основным докладчиком был И. В. Лебедев — статс-секретарь, замминистра сельского хозяйства. Потом было выступление А. В. Гордеева, потом — мое, в котором я говорил о двух проблемах, которые меня очень сильно беспокоят. Первая — это реализация программы развития сельских территорий. На мой взгляд, ее ошибочность заключается в том, что упор в ней сделан на развитие социальной инфраструктуры села. Практически решение этой задачи составляет основное содержание программы. Но все мое, достаточно обширное, общение с селянами разных возрастов и профессий, да и просто логика говорят о том, что для того, чтобы сохранить село, прежде всего нужны квалифицированные рабочие места. А для их создания программа почти ничего не предусматривает.

А. М. НИКУЛИН: Это и наши социологические опросы показывают. Первый, самый животрепещущий вопрос — работа, а уже потом водопровод, школы и т. д.

В. Н. ХЛЫСТУН: При этом очевидно, что только сельское хозяйство новые рабочие места не обеспечит. Нужно развивать многопрофильное производство на этих территориях, очень предметно проанализировать различные возможности новых производств, что прекрасно использовали американцы начиная с 1930-х годов. Тот же Детройт, центр автомобилестроения, — размещал свои производства отдельных запчастей на значительной части сельских территорий страны.

А. М. НИКУЛИН: Это знаменитые фордовские проекты. Ильф и Петров описывают их в «Одноэтажной Америке».

В. Н. ХЛЫСТУН: Эти проекты реально очень сильно поддерживали и сохраняли сельские поселения, развивали все виды коммуникаций. Мы об этом, к сожалению, пока не думаем. В программе упомянут только сельский туризм и объекты сельской социальной инфраструктуры. Это, несомненно, даст какое-то количество новых рабочих мест, но не решит проблему занятости, а значит, не оставит отток сельского населения и опустынивание значительных территорий. Нам нужно серьезно задуматься об этом. Особенно в связи с вбросом в публичное пространство идей некоторых политиков о нецелесообразности поддержки развития сельских поселений и преимуществах мегаполисов. Считаю эту позицию крайне вредной, ее реализация приведет к опустыниванию огромных территорий и утрате продовольственной независимости страны. Нужна ориентация на пространственное развитие абсолютно всех ре-

гионов и создание для этого равных условий. Для этого должны быть государственные программы, которые создают на территориях новые рабочие места и новые возможности. Причем не любые рабочие места, а преимущественно квалифицированные! Возможности для этого у государства, несомненно, имеются.

Второе беспокойство связано с программой вовлечения в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель, на реализацию которой государство выделило немалые средства. Некоторые коллеги называют ее «второй целиной», но надо хорошо знать ошибки первой, чтобы не повторить их сейчас. Я, к сожалению, вижу реальную опасность таких повторений и прежде всего риски распашки малопригодных земельных участков, которая в 1950-х годах привела к разрушению потенциала огромных площадей, сокращению производства мяса и абсолютной неэффективности вложений в освоение и затрат на производство. Я вырос на Целине, много лет вел исследования в Северном Казахстане, основном целинном регионе, и не понаслышке знаю как позитивные, так и негативные последствия этой эпопеи. Может ли быть эффективным производство зерна, когда высевают 4 центнера на гектар семян, получают урожайность 6–7 ц/га. Плюс разрушительная ветровая эрозия, плюс огромные потери при хранении и транспортировке... Государство вкладывало огромные средства в поддержку нерентабельных хозяйств, сегодня, в условиях рыночной экономики, этого не будет. В чем была главная ошибка? Лишь на 10–15% осваиваемых территорий были проведены почвенные и землеустроительные обследования, распахивали все подряд, в том числе продуктивные пастбища, на которых ранее выпасали огромное количество скота, солонцы и солончаки, участки, уже подвергнутые водной и ветровой эрозии, и т. д. Боюсь, что ситуация повторится вновь, наши предложения при обсуждении проекта не были приняты во внимание, раздали средства по регионам и сказали: молодец будет тот, кто распашет больше земли. Львиная часть затрат, как и в советское время, вкладывается в водные, весьма дорогостоящие мелиорации, что тоже далеко не всегда эффективно, а зачастую даже вредно. Чего стоит, например, осушение больших площадей торфяников, которые после массовых пожаров вынуждены искусственно обводнять, тратя на это очень большие финансовые и технические ресурсы. Нельзя подобное повторять!

А. М. НИКУЛИН: Еще Сталин пытался в 1920–1930-е годы создавать в южных степях гигантские зерносовхозы.

В. Н. ХЛЫСТУН: Неиспользуемые земли находятся в основном в Нечерноземье. Ну проведем мы там мелиорацию, а повысит ли она плодородие почв? Их химический состав, структура, генезис таковы, что под пашню они зачастую непригодны. Можно, конечно, завалить их удобрениями, как китайцы делают. Но надо ли? Ведь большие площади неиспользуемых сельхозземель Смоленской, Новгородской, Ленинградской, Вологодской и других областей могут стать прекрасными кормовыми угодьями! При небольших затратах

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

на технику на них целесообразнее создать культурные пастбища, ввести сенокосопастбищеобороты и с использованием малозатратных современных технологий производить высококачественные молоко и говядину, которых нам сейчас очень не хватает. Предусмотрено ли это программой? Увы, нет. Делает ли что-то в этом плане Минсельхоз? К сожалению, тоже нет, поэтому большого оптимизма эта программа у меня не вызывает.

А. М. НИКУЛИН: Вообще на Нечерноземье дикий лес надвигается, уже миллионы га такого леса выросло. А растет этот новый лес на землях формального сельхозназначения. И получается парадокс: пользователей той нечерноземной земли периодически штрафуют за то, что они землю не обрабатывают и она у них лесом зарастает. А с другой стороны — заняться заготовкой и переработкой леса на такой земле нельзя, потому что это уже другая отрасль — лесоводство, а фермерам положено заниматься сельским хозяйством.

В. Н. ХЛЫСТУН: Леса на сельхозземлях — это уже данность, которую надо принимать, а значит, находить решения по их рациональному использованию — и ввиду экологических проблем, и ради их хозяйственного применения — правообладателями (сельхозпредприятиями и фермерами) по установленным государством правилам. Это даст возможность создания новых рабочих мест и получения дополнительной прибыли.

Но главное с точки зрения сельского хозяйства — возможность развития в этой зоне мясного и молочного скотоводства. Пастбищное содержание здесь — это же совершенно иное качество продукции и другая, более эффективная экономика. По канадской системе «корова-теленочек», суть которой в том, что скот даже зимой содержится на открытых площадках, защищенных с ветреных сторон ограждением из тюков сена. Теленок рождается там же и получает хорошую закалку, питается на подсосе молоком матери и быстро набирает вес, с наступлением тепла стадо выходит на пастбище при сохранении подсоса и к концу уже первого сезона молодняк нагуливает очень приличный вес. Эта система сегодня охватила уже полмира, причем используется и в северных, и в южных странах. Наши северо-западные области просто идеально для нее подходят — влаги предостаточно, очень низких температур не бывает, травостой может быть очень богатым, не надо строить капитальные здания и сооружения. Дополнить эту систему должна межхозяйственная кооперация для интенсивного докорма скота на основе концентрированных кормов в течение достаточно короткого периода, причем тоже на открытых площадках. Убежден, что такие проекты могут быть весьма эффективными. Это подтверждает и опыт «Мираторга», который уже использует эту технологию. Она вполне применима и в фермерских хозяйствах, у них она наверняка будет даже эффективнее, но на старте им, несомненно, должна быть оказана необходимая поддержка со стороны государства.

К сожалению, у нас часто получается так, что у одних — зуд осваивать государственные вложения, а у других — абсолютный не-

профессионализм. Мое общение с современными чиновниками говорит о том, что они зачастую очень плохо представляют реальные процессы, которые происходят на селе, очень далеки от него. Я не случайно вытаскивал на работу в министерство людей из регионов, которые прошли хорошую школу, я мог на них опираться. Но когда сегодня истинных аграрников в управлении отраслью, по сути дела, почти нет, когда к нему привлечены, несомненно, толковые и умные ребята в основном из банковской сферы, очевидно наблюдается отрыв от глубокого понимания сельских проблем. Они обладают современными технологиями управления, но часто далеки от понимания реальных процессов, происходящих на земле, от осознания того, что это очень специфическая сфера отраслевой экономики, в которой как нигде переплетаются производство и реальная жизнь миллионов людей.

Вот что опасно: преобладание частных интересов и непрофессионализм. Две беды.

“I have always considered it extremely important to use science in agricultural practice”

Viktor N. Khlystun, DSc (Economics), Professor, State University of Land Use Planning; Academician of the Russian Academy of Sciences. 125064, Moscow, Kazakova St., 15. E-mail: vkhlystun@yandex.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. The interview presents the history of the rural development and agrarian reforms in Russia in the 20th — 21st centuries as based on the facts from the biography of the Academician V. N. Khlystun. The article focuses on the features of educational and scientific institutions associated with the countryside in the USSR and in post-Soviet Russia, in particular on the history and present state of the Academician's alma mater — the State University of Land Use Planning. One of the main issues in the interview is the reforms of the Russian agrarian system, which are considered primarily on the basis of Khlystun's rich management experience in the 1990s — as the Chairman of the RSFSR State Committee on Land Reform, Russian Minister of Agriculture, Deputy Chairman of the Russian Government, and as a key manager of large financial organizations and analytical structures in the agrarian-industrial complex. In his memoirs, Khlystun describes and analyzes successes and failures of various legislative, economic and political measures of agrarian reforms at the federal and regional levels, and makes some personal assessments of the behavior and competencies of some representatives of the state, political and scientific elites of Russia. He repeatedly emphasizes that rural life is a special social sphere that requires complex and balanced measures for its transformations, i.e., considering various agrarian characteristics of such a vast country as Russia. Khlystun argues that the key to successful rural reforms is a combination of leaders' broad professional horizons with the ability to give priority to the common national good instead of private interests.

Key words: Russia, Kazakhstan, State University of Land Use Planning, *perestroika*, Ministry of Agriculture, land and agrarian reforms, Russian Government